

The background of the cover is a vibrant, painterly illustration. In the upper left, a large, close-up profile of a dragon's head is shown, with green scales and a purple eye. The rest of the background is a warm, golden-orange sky with soft, glowing clouds. In the foreground, a young man with dark hair and a young woman with blonde hair and glasses are sitting on the ground, facing each other. The man is wearing a light blue shirt and dark pants, while the woman is wearing a long purple dress. They appear to be in a moment of connection. To the left of the man is a small, light blue dragon, and to the right of the woman is a small, purple dragon. The overall mood is magical and hopeful.

Дана Свифт

Когда имеешь дело с драконами

ПОКА МЫ РАСТИМ КРЫЛЬЯ

Дана Свифт
Когда имеешь
дело с драконами
Серия «Как полюбить
драконов. Уютное ромэнтези»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74289426
Когда имеешь дело с драконами: РОСМЭН; Москва; 2026
ISBN 978-5-353-12117-6*

Аннотация

Фаррен Уолш мечтает о двух вещах: стать целительницей драконов... и чтобы Джеймс Мёрфи наконец-то провалился.

Он – высокомерный драконий гонщик и главный конкурент, который стоит между ней и заветной стипендией. А теперь еще и тот, кого она случайно спасла от верной смерти.

Когда Джеймс, воспользовавшись связями, добивается места стажера в заповеднике семьи Уолш, он переезжает к Фаррен. На чердак. На три месяца. Родители уверены: это отличная возможность подружиться. Фаррен уверена: это катастрофа. Потому что ненавидеть соперника легко. А ненавидеть парня, который поит ее чаем по утрам и смотрит так, будто знает о ней что-то важное, – куда сложнее.

У нее есть секрет, способный разрушить ее будущее.

У него – чувства, которые он боялся признать.

И если они не научатся доверять друг другу, то потеряют все.

Содержание

Глава 1. Когда спасаешь от верной смерти парня, которого ненавидишь	6
Глава 2. Когда принимаешь решение о будущем	23
Глава 3. Когда парень, которого ты ненавидишь, переезжает жить к тебе	29
Глава 4. Когда девушка твоей мечты ненавидит тебя	52
Глава 5. Когда спотыкаешься на ровном месте	63
Глава 6. Когда тебя приветствуют и предупреждают	78
Глава 7. Когда твое утро омрачается назойливым вмешательством и запретным металлом	86
Глава 8. Когда пытаешься спасти девушку, но она спасает себя сама	97
Глава 9. Когда приходится изображать беспомощность	113
Глава 10. Когда у тебя появляются подозрения	124
Глава 11. Когда тебя ловят на лжи	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Дана Свифт
Когда имеешь
дело с драконами

Copyright © 2026 by DANA SWIFT

All rights reserved.

© ООО «РОСМЭН», 2026

Глава 1. Когда спасаешь от верной смерти парня, которого ненавидишь

ФАРРЕН

Спасение жизни – не моя стихия, а уж ответственность за всадников и подавно. Мне куда милее возиться с драконами, чем наблюдать за этими безумными гонками. Но, как говорится, судьба – злодейка, и вот я здесь, готовлюсь к очередному бесконечному дню на трассах Мёрфи.

Лето обрушилось на нас неистовой жарой, но даже изнуряющий зной не стал препятствием для зрителей. Пока я суетливо бегу от гримерки к оценочной станции, чтобы помочь отцу, толпы людей движутся в противоположном направлении – к своим местам на трибунах. Пятнадцатиметровые каменные колонны-трибуны, окружающие безмятежное озеро,

стремительно заполняются зрителями.

Как правило, жители Форсена не стремятся следовать моде, но в день гонок город оживает. Тысячи людей – почти половина населения города – устремляются к окраине, чтобы принять участие в этом значимом событии. Каждый украшает себя сверкающими металлическими аксессуарами: это и заколки в волосах, и пряжки на ремнях, отбрасывающие блики, и массивные, давящие на грудь ожерелья. Яркие ткани, развевающиеся на ветру, и блестящие детали делают толпу похожей на живое отражение чешуи их любимых спринтеров.

Внезапно кто-то толкает меня так сильно, что мои очки соскакивают на самый кончик носа.

– Эй! – возмущаюсь я, но виновника уже и след простыл.

Какое облегчение, что это не один из моих одноклассников, пришедших на финальную гонку сезона. Ведь они появляются здесь не ради самих соревнований, а чтобы поглазеть на избранных всадников, которые претендуют на чемпионское звание. Пока поблизости нет драконов, ничто не выдает во мне чудаковатую деревенскую девчонку из заповедника. Я могу оставаться в тени, делать вид, что такая же, как все. Притворяться той, кем не являюсь.

Внезапно толпа расступается, и я, поддавшись всеобщему возбуждению и не задаваясь вопросами, вновь бросаюсь бежать. Только спустя мгновение я понимаю, что же вызвало такое оживление.

В нашу сторону направляются Джеймс Мёрфи и Колм Диттерс. На первый взгляд кажется, что именно Колм пользуется наибольшей популярностью. Этот высокий блондин с яркими голубыми глазами производит впечатление лидера. Но стоит присмотреться – и становится ясно, что все вращается вокруг Мёрфи. Все взгляды устремлены на него, а комплименты сыплются, словно лепестки роз.

Джеймс широкоплечий и коренастый. Его тело будто создано для драконьих гонок. Многие мои сверстницы находят его воплощением красоты, но я не замечаю в нем ничего притягательного. Этот тип уродлив внутри, что имеет для меня решающее значение, *превосходящее* все остальное.

Я определенно не вхожу в число его поклонниц.

Меня вдруг охватывает острое желание затеряться в толпе, которая послушно расступается перед парнями, словно перед королевскими особами. Однако они уже заметили меня – Колм Диттерс кивает в знак приветствия:

– Привет, Фаррен, уши не горят? Мы как раз тебя обсуждаем.

Комментарий, без сомнения, неприятный. По правде говоря, лучше бы я этого вообще не слышала, но червячок любопытства не дает мне покоя.

– Вот это сюрприз, – откликаюсь я, бросая взгляд на Джеймса. – Что, Мёрфи теперь жить без меня не может?

Колм смеется и толкает друга, будто я сказала что-то умиротворительное. Обычно Джеймс обращается ко мне только для

того, чтобы раскритиковать мои изделия, но это касается исключительно школы. На турнирах он меня полностью игнорирует, не удостоивая даже взглядом. Однако сейчас его темно-карие глаза прикованы ко мне, и, несмотря на непроницаемое выражение лица, я чувствую его недовольство моей шуткой.

– Мы делаем ставки на то, кому из вас достанется полная стипендия «Ривира». Хочешь вписаться? – Колм ухмыляется, и я понимаю, что следующий его комментарий будет еще более колким. – Если поставишь на Джеймса, хотя бы отыграешь часть денег на оплату обучения.

«Черт, а вот это было обидно».

К тому же это полнейшая чушь. Никто не станет на меня ставить. Все прекрасно знают, что я – медный мастер, а Мёрфи – серебряный. Когда победитель очевиден, сама идея ставок теряет смысл, а вместе с ней и возможность выигрыша.

Джеймс, похоже, тоже осознает абсурдность ситуации, поэтому что говорит:

– Кто-то же должен верить в ее победу, чтобы это сработало. – Через мгновение он вздрагивает, будто испугавшись собственных слов. – Я имею в виду...

– Все и так понимают, что ты имеешь в виду. – Я протискиваюсь мимо них, но тут же замираю и оборачиваюсь. – Не нужны мне ваши деньги.

Смелое заявление, учитывая, что оно звучит прямо посреди великолепия, демонстрирующего богатство Мёрфи. Куда

ни плюнь, повсюду признаки их баснословного состояния: драконьи стойла, тренировочные поля, а дальше, на холме, возвышается их серебряный особняк. И все же я не могла уйти, не сказав этого.

Взгляд Джеймса скользит по моему кожаному коричневому костюму для верховых полетов и останавливается на медной нагрудной пластине, безмолвно напоминающей о том, что сегодня я – сотрудник Мёрфи. Сотрудник, который не станет отказываться от вознаграждения в конце рабочего дня. Вся моя гордость мгновенно испаряется. Какая же я дура.

Завершив свою молчаливую оценку, Джеймс отворачивается и снова делает вид, что меня не существует. Его реакция вызывает смех Колма, эхом разносящийся вокруг.

– Отличный способ разозлить одного из наблюдателей. Держись подальше от ее поста, а то она даст тебе утонуть, – поддразнивает он друга. – Слушай, тебя правда совсем не волнует, что за гонками будет следить представитель «Ривира»? Неужели стипендия за хорошие оценки для тебя важнее, чем шанс попасть в летную команду? Честно говоря, иногда я тебя совершенно не понимаю.

Я замедляю ход, чтобы услышать, что на это скажет Джеймс. Меня снедает любопытство.

– Это хорошая возможность, – говорит он, сохраняя свое обычное хладнокровие.

Тот же ответ, который этот невыносимый тип дал два года

назад, когда я сама задала ему аналогичные вопросы. Тогда я подбежала к нему в школе и – о, как же это было неловко! – чуть не разревелась. Как только слухи о его заявке подтвердились, я поняла: мои шансы резко рухнули. Так же, как и мое сердце сейчас. Чтобы получить полную стипендию, нужно преуспевать во всех четырех областях драконьего образования: магическом ремесле, верховых полетах, дрессировке и медицине. Но наше общество ставит ремесленные способности превыше всего. И это неудивительно, ведь драконий металл и искусство его обработки проникли во все сферы жизни, включая строительство, медицину и изготовление одежды.

Раньше я просто не переносила драконьих всадников, включая Джеймса как их бесспорного лидера. Теперь же моя ненависть направлена исключительно на него. *«Кто-то же должен верить в ее победу»*. В нем есть нечто большее, чем просто самоуверенность или заносчивость, – он источает отвратительное сочетание этих качеств.

Пробираясь сквозь пыль тренировочных полей и толпу зевак, я нахожу отца, осматривающего бронзового спринтера. Металлические чешуйки дракона ослепительно переливаются в лучах летнего солнца.

– Что случилось? – спрашивает папа, переводя на меня взгляд.

Я поправляю медный нагрудник, словно, затягивая металл вокруг торса, могу скрыть все свои комплексы.

– Ничего.

– Хочешь помочь мне с оценкой прибывающих? Мне бы пригодился мой лучший ассистент, – ухмыляется папа.

– Я уже говорила тебе: эта шутка устарела.

Его ухмылка становится шире.

– Лучший и единственный не всегда одно и то же...

– Но в моем случае это именно так, – заканчиваю я за него.

Папа невероятно сентиментален, и я безмерно люблю его за это. На ближайший час мир возвращается на круги своя. Мой отец, величайший драконий ветеринар во всем Форсене, и я, его единственная помощница, вместе заботимся об этих великолепных животных. Запах сена, дыхание ящеров – все кажется таким привычным и родным.

Разумеется, Джеймс оказывается тут как тут, сопровождаемый другими всадниками и спринтером по имени Хорт. По своему обыкновению, Мёрфи смотрит на меня так, будто с трудом сдерживает поток обидных слов. Я же, подавляя собственные колкости, нарочито обращаю внимание лишь на его дракона. Хорт разглядывает меня своими крокодильими глазами и, словно ребенок, возбужденно переступает с лапы на лапу. Меня забавляет этот контраст между всадником и драконом: то, что существо весом в тонну проявляет гораздо больше дружелюбия, говорит о явных проблемах у его хозяина.

Мы с папой приступаем к стандартным процедурам: проводим измерения, осматриваем крылья, суставы и зубы. Я

также тщательно проверяю пряжки седла, чтобы убедиться, что кожаные ремни надежно закреплены, но при этом не стесняют движения дракона.

– Он просто великолепен, Джеймс. Выглядит как настоящий победитель. Нам остается проверить только его металл, – говорит папа.

Джеймс пронзительно свистит.

– Хорт. Щит.

Преображение дракона – зрелище, от которого захватывает дух. Стоит моргнуть – и момент упущен. Серебристый металл вырывается наружу, облекая каждую чешуйку Хорта в непробиваемую броню. Некогда оранжевый чешуйчатый зверь предстает перед нами огромным слитком прочного металла. Ничто не может пробить эту броню, кроме другого драконьего серебра. И только серебряный мастер способен остановить его в этой форме.

Каждый дракон может укрепляться в металле. Но исключительность Хорта – в его совершенном послушании, что встречается крайне редко. Мёрфи проявил удивительное благородство, обучив столь покорного дракона. Хорт испытывает искреннюю привязанность к Джеймсу, потому что их совместные тренировки проходят в атмосфере любви и поддержки, а не принуждения. Этот метод отличается от типичной подготовки спринтеров, где для достижения результатов часто используют страх и давление.

Пока папа осматривает крылья Хорта, я поглаживаю дра-

кона по шее, после чего плавно спускаюсь по его боку, ощущая каждый сустав.

Мне приходится встать на четвереньки, чтобы проверить его когти и нижнюю часть лап. Неправильно растущая чешуйка, особенно металлическая, способна причинять мучительную боль. Так я оказываюсь враскорячку прямо перед Джеймсом Мёрфи. Обычно всадники держатся на расстоянии, давая мне свободу действий, но только не этот прилипала.

Я изо всех сил стараюсь не смотреть на него, мечтая, чтобы он просто исчез.

– Прошу прощения, – бурчу я.

Вместо того чтобы уйти, он еще и присаживается рядом. Будь это кто-то другой, я бы, наверное, подумала, что его волнует дракон. Но это же сын Джона Мёрфи. С большой долей вероятности он просто сомневается в моей компетентности.

Однако, услышав их с Колмом мнение обо мне и стипендии, я начинаю сомневаться, что дело только в этом. Не сомневаюсь, что он, как и многие другие, поощряет классовое неравенство. Общество настойчиво навязывает нам идею социальной иерархии. Но ведь истинная порядочность проявляется в уважении к каждому! Нельзя судить о человеке по его происхождению. Все мастера равны, независимо от материала, с которым они работают: будь то железо, олово или медь. И все же те, кто достиг вершин в работе с серебром,

часто смотрят свысока на тех, кого считают ниже себя. Колм Диттерс, вероятно, попал в их число лишь потому, что его семья находится на пути к социальному подъему – от бронзы к серебру.

Я не понаслышке знаю, что Джеймс искренне считает себя лучше всех, особенно лучше меня. Моя давняя подруга, Кара Мур, однажды слышала, как он в разговоре с Колмом и другими гонщиками назвал меня *никчемной всезнайкой и посредственным мастером по меди*. И если кто-то считает меня привлекательной, ему, вероятно, следует проверить свое зрение. Так что да, он – предвзятый *и* самовлюбленный придурок.

– Чем могу помочь? – спрашиваю я, все еще немного ошеломленная его присутствием рядом со мной.

– Просто наблюдаю за процессом, – отвечает он.

Я осматриваю последнюю лапу Хорта, а затем, поскольку слова Джеймса, сказанные ранее, все еще не дают мне покоя, шепчу:

– Не воображай, что сможешь переплюнуть меня в медицине, *просто наблюдая*.

– Понимаю, – отвечает он.

Ах, понимает!

«Может ли он быть еще более невыносимым?»

В такие моменты я снова и снова задаюсь вопросом: зачем? Ответ «*хорошая возможность*» по-прежнему не имеет для меня смысла. Это же... очевидно. Полная стипендия в

одном из немногих высших учебных заведений Тулина, где учат профессиям, связанным с драконами, – кто бы не счел это хорошей возможностью? Но зачем ему это? По какой причине Джеймс претендует на то, что мне так необходимо и желанно, когда его родители без проблем могут оплатить его обучение, даже если оно стоило бы втрое дороже? К тому же его с большой вероятностью скоро пригласят в гоночную команду, что обеспечит ему бесплатное обучение. Наверняка представитель команды уже сидит в одной из смотровых башен, готовый внести его имя в список счастливицов. Хотя... кого я обманываю? Им даже не нужно ничего вносить. У них, поди, уже все готово для его зачисления, а у нас, как назло, впереди еще целый год учебы.

– Зач... – начинаю я, но меня опережает суровый голос:

– Что-то не так?

Я вздрагиваю от неожиданности. К моему удивлению, Джеймс тоже. Перед нами стоит мистер Джон Мёрфи, его отец и, похоже, истинный хозяин этого города. Человек он невысокий, зато чертовски влиятельный.

– Нет, все хорошо, Хорт готов, – объявляю я, поглядывая на папу, чтобы убедиться, что голова и крылья получили его одобрение.

– Он растет, что видно невооруженным глазом.

В голосе папы слышится скрытый подтекст, и я пытаюсь его уловить. Хорт действительно активно растет, но ему всего три года, и он пока что не превышает размеры гоночных

спринтеров. В холке он достигает восемнадцати с половиной ладоней, а размах крыльев, согласно моим свежим записям, составляет двадцать. Хорт просто расцветает от внимания. Стоит нам только посмотреть на него, как он тут же вытягивает шею еще выше. Милый маленький выпендренчик. Вероятно, научился этому у своего хозяина. Разумеется, выпендренной части, а не милой.

Слова моего отца заставляют Джеймса напрячься.

– Если все готово, давайте уже начинать! – рывкает мистер Мёрфи.

Джеймс тянется к уздечке Хорта, но внезапно замирает, закрыв глаза.

– Рука болит? – спрашивает папа, склонив голову.

Мой взгляд падает на руки Джеймса. Папа прав, одна из них напряжена. Он сжимает кулак, что может указывать как на сдерживаемый гнев, так и на боль.

– Доктор Бёрк должен быть в своей палатке, – продолжает папа. – Не только драконам время от времени нужен медицинский осмотр.

– Я...

– У него все в порядке, – отрезает мистер Мёрфи.

Почему это звучит как угроза? Словно он предупреждает: *«Не вмешивайтесь, а иначе...»*

Мой папа обладает множеством достоинств. Он дружелюбный, отзывчивый и, пожалуй, порой слишком уступчивый. Но при этом всегда понимает намеки.

– Рад слышать. Удачи, Джеймс, – тепло говорит папа, словно искренне болеет за гонки.

Как только оба Мёрфи оказываются вне зоны слышимости, он подзывает меня к себе:

– Фаррен, присмотри за Джеймсом и его спринтером.

– Но ведь мы здесь только ради Хорта. Верно? С ним что-то не так?

Я вспоминаю текстуру его чешуи, состояние костей и суставов. Все идеально, а броня безупречна.

– У меня что-то вроде предчувствия. Просто... не спускай с них глаз.

* * *

Двенадцать спринтеров замирают над зеркальной гладью озера, предвкушая старт. Поначалу каждый дракон демонстрирует свою природную чешую, переливающуюся на солнце радужным сиянием. Но с моей позиции я различаю лишь их брюшки. Оранжевый дракон, который разместился на дальнем краю, невольно завладевает моим вниманием, и я с досадой мотаю головой, сильнее натягивая поводья Дафин. Как официальный наблюдатель, я должна следить за всеми, а не только за Джеймсом Мёрфи.

Дафин поворачивает ко мне изящную голубую голову, словно читая мои мысли. Ее взгляд выражает неодобрение.

– Не смотри на меня так, – фыркаю я. – Я просто делаю

свою работу.

Звенит колокол, и толпа ликует, когда дюжина драконов взмывает в небо. Их крылья рассекают воздух, а после выравниваются перед первым поворотом. Именно здесь проявляется истинное мастерство. Джеймс держится в лидирующей группе, но приберегает свой решающий маневр для финишной прямой. Черт, я даже знаю его стратегию. Слова папы прочно засели в голове, и теперь все мои мысли сосредоточены исключительно на Мёрфи.

Но я заставляю себя сфокусироваться и на других драконах. Кара отстаёт, изо всех сил стараясь избежать столкновения. Некоторые всадники ныряют под основную группу, пытаясь вырваться вперед, и Колм среди них. Он стремительно проносится по следующему прямому участку.

В душе я тоже жажду взлететь, чтобы парить рядом с этими двенадцатью всадниками. Но гонки – это не просто развлечение. Хотя, конечно, и это тоже. Развевающиеся флаги над переполненной ареной и крики тысяч фанатов – тому подтверждение. Однако за этим зрелищем скрывается хитрая экономическая схема, нацеленная на добычу металла. Драконов намеренно пугают, чтобы они активнее задействовали и сбрасывали ценный материал. Отсюда и преднамеренная жестокость некоторых всадников.

С моего наблюдательного пункта у третьего поворота видно, что два дракона находятся в опасной близости. Металлическая броня начинает поблескивать от трения. Внезапно се-

ребристый хвост первого дракона обрушивается на второго, и тот, взыв, теряет скорость. Я невольно вздрагиваю, беспокоясь о его челюсти. Слава небесам, драконы не изрыгают пламя, как в мифах, иначе мы бы столкнулись с куда более серьезными последствиями, чем просто переломы.

Один за другим участники появляются в моем поле зрения, и я ощущаю нарастающее напряжение. Патрульный – еще один вид наблюдателя, держится на расстоянии, ниже траектории полета, страхуя драконов. Я вижу, что все остальные смотрят туда, и мой взгляд тоже устремляется в ту сторону. Но папина просьба возвращает меня к мыслям о Джеймсе.

Именно поэтому я замечаю неустойчивость их полета. Когда Хорт теряет равновесие, я мгновенно настораживаюсь. Спазм крыла? Джеймс способен с этим справиться. Он может отстать от лидирующей группы, но при этом упростить схему полета Хорта и...

Прежде чем я успеваю додумать эту мысль, Хорт срывается вниз. Прямо передо мной.

Не каждый день можно увидеть, как парень, которого ты ненавидишь, стремительно падает с неба вместе со своим драконом. Все мои эмоции сплетаются в тугий узел, когда Джеймс Мёрфи продолжает свой полет вниз. Серебристый блеск металла на каждой чешуйке Хорта – немой свидетель ужаса.

Толпа ревет. Все взоры прикованы к фавориту турнира,

падающему без видимой причины.

Мое тело натягивается как струна. Дафин подо мной кряхтит.

– Давай же, – шепчу я.

«Он выправится. Вернет себе контроль».

Роль наблюдателя состоит в том, чтобы уловить тот самый момент, когда вмешательство станет единственным выходом. Я не могу действовать, пока...

Джеймс и Хорт стремительно проносятся мимо меня, устремляясь к озеру. Этот паршивец не собирается выправляться. И не спрыгивает с дракона. Он летит вниз!

Я кричу, сама не понимая, приказ это или просто реакция на шок. Но Дафин все понимает и бросается вниз с наблюдательной вышки. Ее крылья складываются для пикирования, а медные наросты мгновенно покрывают чешую, готовясь к столкновению. Ветер бьет в лицо, солнце нещадно палит, но это ничто по сравнению с пульсирующим во мне страхом.

«Слишком поздно! – кричит он. – Слишком поздно!»

Джеймс врывается в озеро, раздаются шквальные хлопки крыльев по воде, и я погружаюсь следом.

Глава 2. Когда принимаешь решение о будущем

ДЖЕЙМС

Я помню почти все о своем падении. За исключением тех пятнадцати минут, когда Фаррен Уолш, судя по всему, вытащила меня из воды и сделала искусственное дыхание. Эта часть истории не дает мне покоя, поэтому я снова и снова прокручиваю ее в голове. Фаррен Уолш. Угораздило же меня упасть прямо возле ее наблюдательного пункта. И вдобавок ко всему упустить все самое важное. Я зарываюсь лицом в подушку. Ну что за невезение. Я не был уверен, что выживу, а теперь, будучи спасенным, не думаю, что смогу вынести этот позор.

Боль в руке возвращает меня в настоящее, к куда более важной проблеме. Гонка была только вчера, но перевернула все с ног на голову.

Сумерки сгущаются, и дом окутывает непривычная тишина. Дверь тихо скрипит, когда заходит мама. Мгновение мы смотрим друг на друга, словно незнакомцы. Тени скрывают огненный оттенок ее рыжих волос и россыпь веснушек на переносице и щеках.

– Ты спал?

– Нет, просто... – Не могу же я сказать ей, что мучительно пытаюсь вспомнить те несчастные пятнадцать минут. – Размышлял.

– Я принесла тебе настой.

– О. – Это неожиданно, ведь я сам завариваю себе серебряный настой с тринадцати лет. *«Не рассчитывай, что кто-то будет делать это за тебя»*, – всегда говорит отец, обычно сразу после того, как мама или я подаем ему кружку. – Спасибо.

Она протягивает мне полную чашку с теплой жидкостью. В ней плавают хлопья серебристого драконьего металла, призванные ускорить заживление моей сломанной руки. Одним глотком я выпиваю содержимое. Сегодня мне пришлось столько раз пить эту гадость, что во рту ощущается стойкий металлический привкус.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает мама.

Я поправляю перевязь.

– Все в порядке.

Она колеблется, прежде чем обнять меня.

– Джеймс, я...

Мое сердце колотится в груди. Мы переходим от неожиданного к чему-то по-настоящему редкому. Неужели она собирается извиниться? Признать, что...

– Давай поговорим начистоту, – тихо говорит она.

Я неловко прижимаюсь к ее плечу, не привыкший к объятиям. Серебряные нити ее платья покалывают кожу, в отличие от мягкой подушки. Слова «*Ты первая*» уже готовы слететь с языка, но мама продолжает:

– Мне так страшно, – признается она и тут же отстраняется, словно начав открывать правду, боится потерять время на что-либо другое. – Я говорила с тетей Рошин из Хардсилла. Она согласна взять тебя на лето. А после...

– Нет, – вырывается у меня. Это происходит произвольно. Паника обнажает мои истинные намерения. Хардсилл – город маминого детства, один из самых северных и знаменитых в Тулине. Я предполагал, что она попытается отправить меня подальше, поэтому заранее подготовил аргумент и возможное решение. – Я не хочу далеко уезжать от Форсена. Мне нужно быть рядом с Хортом.

– Джеймс, – вздыхает она. – Этот дракон не важнее твоей жизни.

Моей жизни? Словно мое пребывание здесь равносильно ее утрате. Вот что так сильно пугает маму. По телу пробегает холодок, рука снова пульсирует. Есть другие пятнадцать минут, которые я предпочел бы стереть из памяти.

– Хорта лечат в заповеднике Уолшей. Что, если я побуду

там, с ними?

Озвучить это – словно бросить спичку в порох. Напряжение в груди отсчитывает секунды до взрыва. Я всматриваюсь ей в глаза, пытаюсь уловить реакцию, пока она не успела ее скрыть.

– С Уолшами?

Выражение ее лица меняется. Кажется, мама мысленно прикидывает часовую дорогу из города в сельский заповедник. Очевидно, что это гораздо дольше, чем минута, которую мой отец тратит на путь по коридору.

– Папа все равно будет заставлять меня каждую неделю проверять Хорта. Лучше я останусь там и буду работать на них. Слышал, доктор Уолш ищет помощника на лето. Мы можем сказать всем, что это стажировка.

– Меня не волнует, что подумают люди. – Вот это да. Должно быть, впервые в жизни. – Почему ты вообще хочешь *работать*? – Несколько рыжих прядей выбиваются из пучка, когда мама встряхивает головой, словно осознав что-то. – Из-за полной стипендии? Ты все еще заиклен на этом, даже после...

Я замираю. Ее взгляд прикован к моей руке. Это не первая моя перевязка или гипс, но по ее реакции кажется, что это так.

– Я же говорил тебе, что подал заявление.

– Знаю, – отвечает она. – Но я бы хотела, чтобы ты...

– Ты сама сказала, что это лучше, чем гонки.

– Да. – В ее голосе слышится поражение. – Это лучше, чем гонки.

Хорошо помню, как мама впервые признала это здесь, в тишине моей комнаты. Те ее слова, два года назад, до сих пор звучат в моей памяти. Они стали для меня маяком – надеждой на иное будущее и другой путь.

Я чувствую, что она согласна со мной. Поэтому остается лишь одна часть головоломки, которую я не могу решить в одиночку.

– Мне нужна помощь, чтобы убедить Уолшей дать мне работу и принять меня на все лето.

Мама хмурится:

– Уолши работают на нас уже много лет.

«С» нами, а не «на» нас. Доктор Уолш – ветеринар, которого мы нанимаем, а не тот, кем мой отец может командовать и манипулировать с помощью денег. Это принципиальное отличие. Их не подкупить, потому что настоящий талант не продается.

– Мы их убедим. – В ее голосе нет ни капли сомнения, лишь сталь, выкованная суровым воспитанием в Хардсилле. – Я не вижу никаких препятствий для этого. Мы просто не позволим им нам отказать.

Глава 3. Когда парень, которого ты ненавидишь, переезжает жить к тебе

ФАРРЕН

Уж не знаю, как это происходит и почему, но с тех пор, как я спасла Джеймса Мёрфи, я очень остро чувствую на себе его взгляды. Может, потому, что он особо и не скрывается.

Даже здесь, в пятнадцати километрах от города, на просторах семейного заповедника драконов, я не могу избавиться от этого навязчивого ощущения. Когда я парю в нескольких метрах над землей на спине Хорта, меня внезапно охватывает жуткое чувство, будто меня пристально изучают. По коже бегут мурашки, и я ерзаю в седле, ругая себя.

«Джеймс Мёрфи не проделал такой долгий путь и не стоит за твоей спиной, придираясь к твоей технике полета на его

драконе».

Но внутренний порыв берет верх. Я оборачиваюсь. И, представьте себе, он *действительно* стоит там – как всегда, с идеальной осанкой, золотисто-каштановыми волосами, растрепанными ветром, и россыпью веснушек на лице. Разумеется, с этой его фирменной самодовольной ухмылкой с плотно сжатыми губами, без которой он, кажется, и шагу ступить не может.

Я не склонна драматизировать, но в данный момент меня охватывает дрожь. Страх, густо замешанный на адреналине, заставляет кожу покалывать.

Хорт тут же покрывается серебром, а после резко разворачивается, готовый встретиться с любой угрозой, что так меня напугала. Но как только он видит Джеймса, то приходит в неистовое движение. Зверь весом в тонну узнает своего всадника. Серебро исчезает так же быстро, как появилось, обнажая его естественную ярко-оранжевую чешую.

У меня остается всего пара секунд на панику, прежде чем Хорт, охваченный восторгом неожиданной встречи, сбрасывает меня со спины. Плечо пронзает боль, но инстинкты берут верх, и я делаю кувырок. Поднимаясь в приседе, я ощущаю лишь уязвленное самолюбие и смущение. Очки потеряны, и все, что находится дальше трех метров, превращается в расплывчатое пятно. Увы, в двух с половиной метрах я все еще различаю Джеймса. Его самодовольная ухмылка сменяется недовольной гримасой.

Желудок сжимается. Нет сомнений – Мёрфи точно здесь, и он все видел. Мы не отрываем взгляда друг от друга, и я слегка хмурюсь, пока Хорт прыгает вокруг Джеймса, словно щенок размером с лошадь. Он обнюхивает хозяина и даже мило взмахивает крыльями.

Джеймс гладит Хорта по голове, и чешуя дракона приподнимается, демонстрируя неприкрытое удовольствие. На оранжевой шкуре все еще мерцают серебристые отблески – явный признак того, что этот непоседа по-настоящему испугался, когда я вздрогнула. Постоянно забываю, насколько чувствительны гоночные драконы, пока не сталкиваюсь с тем, как они шарахаются собственной тени и покрываются металлом от любого неосторожного прикосновения. Сердце сжимается от грусти, стоит мне вспомнить то мучительное чувство собственного отчаяния, когда Хорт, весь покрытый серебром, падал с неба две недели назад.

– Привет, приятель. Как ты? – спрашивает Джеймс.

Я вскакиваю на ноги, вдруг осознав, что эти неистовые взмахи крыльями могут повредить швы, над которыми мы с отцом так долго корпели.

– Будет хуже, если мы не успокоим его.

Джеймс издает пронзительный высокий свист. Едва заставив дракона обратить на себя внимание, он произносит всего два слова:

– Хорт. Спокойно.

Пышущий энергией зверь мгновенно застывает на месте.

Признаюсь, это чертовски впечатляет.

– Что ты здесь забыл? – вырывается у меня.

Не могу поверить, что Джеймс проехал целый час, чтобы добраться до самой окраины цивилизации. Между единственными двумя зданиями в поле зрения – моим домом и амбаром – простираются бескрайние пастбища. А за ними слышен шум океана: он обрушивается на черные камни, громоздящиеся друг на друге, и топит их в бушующих волнах. Неудивительно, что это место называют «скалами уединения».

– Меня отправили за тобой.

– Кто?

Он игнорирует мой вопрос, но я и без него понимаю: это могли быть только мои родители. Мёрфи здесь, чтобы осмотреть Хорта, оценить его самочувствие, а после отчитаться перед своим суровым отцом. Лето в самом разгаре, и что-то мне подсказывает, что это не первая и не последняя такая проверка. От одной мысли об этом мне становится не по себе.

Его взгляд скользит по грязи на моей одежде.

– Станный способ слезать с дракона. Ты в порядке, спасительница?

Разумеется, его забота о моем самочувствии звучит так, будто ему абсолютно наплевать. И конечно же, этот гад все еще использует дурацкое прозвище, которое дал мне две недели назад.

Я стряхиваю грязь и траву со своих бриджей и раздраженно затягиваю ремни кожаного нагрудника.

— Если бы ты помог мне подняться, я бы, может, даже поверила, что тебе не все равно.

Джеймс вдруг делает резкий шаг вперед, словно пытаюсь исправить свою оплошность. В тот же миг раздается хруст стекла. Мы оба замираем, устремив взгляды вниз, на мои очки, раздавленные его ботинком. Время словно останавливается. Я не могу поверить в произошедшее, и Мёрфи, кажется, тоже. Он медленно поднимает ногу, будто это может что-то изменить.

Наши взгляды встречаются.

— Ты серьезно только что...

— Я... я их просто не заметил.

— Говорит человек с идеальным зрением.

— Я же не нарочно, Уолш.

Когда он тянется за обломками, мое тело невольно содрогается: я не хочу, чтобы он прикасался к моей вещи. Но Джеймс опережает меня, и мы оба оказываемся на коленях в траве, как два ребенка, увлеченно копающиеся в земле.

Мёрфи протягивает мне черную оправу, ту самую, что я ношу с девятого класса. Я вложила в нее немало труда, кропотливо вплетая медь на случай таких вот непредвиденных ситуаций. И Джеймс, как истинный серебряных дел мастер, тут же замечает вкрапления, ведь он способен увидеть разницу между благородными металлами и более простыми.

– Это медь? Я могу...

Не договорив, он сразу приступает к делу. Медь, словно живая, легко отзывается на прикосновение, обвиваясь вокруг сломанного мостика и соединяясь с другой частью. Получается бесшовно. Идеально.

– Вот. Починил.

Обычная самодовольная гордость Джеймса Мёрфи сияет во всей красе. Невыносимый тип.

– Я и сама могла бы это сделать, – выдыхаю я, выхватывая у него очки.

Ремонт оправы идеален, однако мне тут же хочется сломать ее пополам назло ему.

– Да. Но...

Он убежден, что в любом случае справился бы лучше, поскольку превосходит меня по классу металла. Нет нужды напоминать об этом. К тому же дело не в ремонте металла. Даже Джеймс в итоге понимает, в чем главная сложность: левая линза безнадежно треснула. А следовательно?... Ничего ты не починил, умник.

– Я куплю тебе новую линзу, – предлагает он.

Ведь Джеймс Мёрфи может откупиться от чего угодно, даже от извинений. Которых он, кстати, еще не принес.

– Не нужны мне твои деньги.

– Где-то я это уже слышал, – говорит он, выдыхая и фыркая одновременно.

Хорт толкает Джеймса в плечо, демонстрируя свое недо-

вольство. Ему не нравится, что он больше не в центре внимания. А может, дракон каким-то образом почувствовал, что последняя реплика Джеймса напрямую касается его. Семейка Мёрфи давно лелеет планы выкупить наш заповедник для спасенных драконов и превратить его в прибыльный центр их разведения и дрессировки. Логика сильных мира сего проста: воровать металл с драконьей чешуи и запугивать драконов для ускорения его добычи выгоднее, чем ждать естественного сбора. Но, несмотря на их подлые намерения и наше нежелание иметь с ними дело, восстановление Хорта обеспечит финансирование заповедника на полгода вперед.

Неугомонный дракон снова толкается, и Джеймс теряет равновесие, заваливаясь вперед. Я хватаю его за плечи, пытаюсь удержать, и цепляюсь левой рукой за ремешок его перевязи. Гипс, покрытый надписями и сердечками, даже с отсутствием моей на нем подписи явно говорит о его популярности. С тех пор как я спасла Мёрфи на прошлых гонках, мы не находились так близко друг к другу. Между нами почти не остается пространства, а его губы оказываются в опасной близости от моих.

Брови Джеймса удивленно ползут вверх.

– Ты что, снова пытаешься меня поцеловать, спасительница?

В тот же миг на меня накатывает воспоминание, оставившее неизгладимый след в моей душе: парализующий страх,

тщетные попытки реанимации и привкус соленой воды на его губах, когда я почувствовала, что все потеряно.

Ни за что на свете я не хочу считать это своим первым поцелуем. Это вообще не было поцелуем. Я спасала его чертову жизнь.

И все же это было соприкосновение губ...

Я отшатываюсь от него всем своим существом. Не позволю этому типу меня провоцировать!

– Довольно печально, что ты принял это за настоящий поцелуй, Мёрфи. – Я поднимаюсь, ощущая, как сломанные очки впиваются в ладонь. – Ты был таким тихим до того, как я спасла твою жизнь. Давай вернемся к тем прекрасным временам, когда ты со мной не разговаривал.

Джеймс тоже поднимается с травы, и его усмешка становится еще выразительнее.

– Не думаю, что это будет возможно начиная с сегодняшнего дня.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты еще не знаешь... – произносит он удивленно, не отрывая от меня взгляда.

На его лице проскальзывает тень беспокойства.

– Не знаю чего?

С крыльца доносится оклик папы. Его голос, хоть и громкий, приглушается расстоянием.

Я оборачиваюсь на зов, но тут же снова переключаю внимание на Джеймса.

– Что происходит?

– Эм... думаю, твой отец должен тебе все объяснить.

Его колебания повергают меня в ужас.

Могли ли уговоры Мёрфи или их щедрые финансовые предложения изменить мнение папы, особенно с учетом нашей текущей ситуации? Ведь он всегда ставил на первое место спасение драконов. Неужели он пожертвует этой миссией ради расширения гоночных трасс, которые, по сути, являются главной причиной их страданий и сокращают им жизнь вдвое.

Я быстро привязываю Хорта к специальному посеребренному столбу, и он тут же принимается грызть металл, словно совсем юный дракончик. Не говоря больше ни слова, я прячу очки в задний карман и бегу.

Приближаясь к дому, замечаю припаркованный на гравийной дорожке серебристый автомобиль Мёрфи. Он сверкает на солнце, как яркий символ их статуса, и совершенно не вписывается в картину нашего старого домика с облупившейся краской и облезшей штукатуркой на крыльце. Мы, Уолши, никогда не гнались за дорогими машинами и даже незнакомы с теми, у кого они есть. Ну разве что с Мёрфи. Но они были у нас всего один раз.

В животе нарастает тревога.

Я задерживаюсь на крыльце, чтобы снять нагрудник и стянуть грязные ботинки с пяток, не тратя время на развязывание шнурков. Кожа и металлические застёжки глухо стучат о

деревянную поверхность. Едва я открываю сетчатую дверь, как Джеймс вваливается внутрь, словно он здесь хозяин. Типичная манера поведения богатого наследника, от которой меня мутит.

Отстав от него на три шага, я вбегаю в гостиную, стремясь скорее увидеть родителей, и мой взгляд сразу же падает на маму. Она само воплощение любезности. Ее теплая, медовая улыбка озаряет всех присутствующих. Рядом с ней сидит Джеффри, главный помощник папы и тренер драконов, с неизменной шляпой в руке. Сам папа увлеченно беседует с четой Мёрфи, чье сияющее великолепие почти затмевает блеск их роскошной машины.

Я улыбаюсь, когда облегчение вытесняет тревогу. Всеобщее оживление намекает на хорошие новости, завернутые в серебристую обертку. Похоже, я действительно чересчур цинична, как часто говорит мама. Она первой замечает меня, окидывая взглядом пятна травы и грязи на моей некогда безупречной белой блузке. Я выгляжу так, будто меня переехал грузовик. Смушение возвращается. Давненько меня не сбрасывал дракон. А ведь мне нужно доказать свои навыки, если я хочу продолжать заботиться о Хорте.

– Прекрасно. Джеймсу удалось уговорить тебя слезть с этого дракона. Иди сюда.

Папа указывает рукой на маленький диванчик, где осталось единственное свободное место. Но я категорически отказываюсь втискиваться туда рядом с Джеймсом. К тому же

мама убьет меня за испорченную обивку. Не могу понять: папа не замечает проблемы из-за суеты с гостями или просто уже привык к тому, что я – ходячая катастрофа? Впрочем, как только мы появляемся, все сразу встают, так что кризис миновал.

– Простите, я немного в грязи...

Не успевает моя мама согласиться с этим и отправить свою неряшливую дочь переодеваться, как мама Джеймса крепко обнимает меня, совершенно не заботясь о том, что ее развевающиеся юбки цвета перепелиного яйца, расшитые серебром, тоже могут испачкаться.

– Вы, конечно, помните нашу дочь Фаррен, – говорит папа, столь же невозмутимый по поводу того, что я могла испортить одежду, стоящую дороже изготовленного на заказ драконьего седла.

Мама, кажется, уже готова извиниться за пятно, которое я оставила, но миссис Мёрфи демонстрирует такое полное безразличие к этой незначительной проблеме, что ситуация превращается в своеобразную игру: кто первым обратит на него внимание, тот проиграл.

– Как я могла забыть девушку, которая спасла жизнь моему сыну?

Она снова тянется ко мне и сжимает в объятиях.

Не хочу показаться предвзятой, но Оня Мёрфи всегда казалась мне холодной и отстраненной – типичной представительницей богатой элиты Хардсилла. Ее безупречный стиль

и презрительный взгляд говорили сами за себя. Однако, похоже, даже в этом ледяном сердце есть место для благодарности, когда дело касается ее сына. Еще одно неожиданное последствие спасения жизни соперника. Исполняя свою роль наблюдателя, я в одиночку сумела перевести отношения между нашими семьями из рабочих в статус... просто знакомых.

Взглянув через плечо матери Джеймса, я замечаю хмурое лицо его отца. На нем то же болезненное презрение, как у его наследника. Но если Джеймс демонстрирует скорее отстраненность, то его отец буквально излучает жестокость. Сын вызывает у меня раздражение, а его родитель внушает настоящий страх.

Миссис Мёрфи наконец отстраняется и берет меня за плечи.

– Я знаю, вы с Джеймсом поладите, – шепчет она. – Это будет замечательно. Просто замечательно.

– Что?..

Я теряюсь, не зная, какой вопрос задать первым. «*Что вы здесь делаете?*» кажется не совсем уместным. И все же я почти решаюсь спросить об этом, когда папа неожиданно заявляет:

– Джеймс Мёрфи будет нашим стажером.

Это заявление режет слух и заставляет меня содрогнуться.

– Стажером?

Если бы существовала такая вакансия, я бы о ней знала.

Ведь я его дочь и единственный стажер, который когда-либо у нас был. Может, он имеет в виду место летнего помощника? Мы разместили объявления о поиске по всему городу. Я даже повесила листовку в школе, потому что мечтала найти друга и единомышленника. И вот когда это наконец происходит, мне достается... Мёрфи. Я снова чувствую, как Джеймс смотрит на меня, ожидая моей реакции. Вот почему он сказал, что мне придется привыкнуть к общению с ним...

Боже, неужели это моя вина? Он узнал об этой работе только из-за моего одиночества?

Не может быть! Зачем ему это? Ему же не нужны деньги, а его слава всадника только растет. Более того, с каждым семестром шансы Джеймса получить полную стипендию академии «Ривир» только увеличиваются, как бесцеремонно заметил Колм.

Стоп. В этот момент я вдруг вспоминаю свои слова: *«Не воображай, что сможешь переплюнуть меня в медицине, просто наблюдая»*. А Джеймс как ни в чем не бывало ответил, что знает. И ведь правда знал! Через несколько месяцев наше соперничество за стипендию академии «Ривир» достигнет апогея. Осенью мы будем выступать перед мистером Муром – главным преподавателем по магическому ремеслу, и скаутами. И я вдруг осознаю, что это всего лишь уловка, чтобы вырваться вперед и победить.

Я редко чего-то боюсь, но эта ситуация внезапно оживляет все мои самые потаенные страхи.

– Да, стажером. Нам нужна помощь, – говорит папа и бросает взгляд на амбар, а потом снова переводит его на Мёрфи.

– Джеймс с нетерпением ждет этого, – откликается его мама и слегка подталкивает сына, ожидая его реакции.

Удачи ей с этим. Нам было по двенадцать, когда мы впервые встретились с Джеймсом. Это случилось, когда спринтер сломал ногу на трассах его отца. В то время как я бросилась помогать, Мёрфи просто стоял рядом, с абсолютно невозмутимым выражением лица. Я почти уверена, что он психопат.

– Мы тоже. У нас тут много пород, с которыми бывает непросто справиться.

Папа смеется с легким, почти наивным оптимизмом. Словно эти драконы неспособны прикончить неопытного дилетанта на раз-два.

– И все они с медным, оловянным и железным покрытием, – бормочет отец Джеймса с явным пренебрежением.

Все замолкают. Хотя в наших владениях действительно нет драконов с ценными металлами, в его словах чувствуется неуместная снисходительность. В то время как большая часть окружающего нас мира построена из железа, олова и меди, лишь бронза и серебро доказали свою истинную ценность для здоровья. Иными словами, он хочет сказать: зачем оберегать то, что не ценится на рынке?

Тогда у меня к нему встречный вопрос: зачем доверять нам заботу о Хорте и доступ к его серебру, если мы всего лишь «бесполезные» медники, тратящие свое время на спа-

сение ничтожных драконов? В комнате повисает напряжение. Вот она – главная причина моего презрения к Мёрфи. Они неустанно следят за тем, чтобы мы помнили свое место: на две ступени ниже их.

Еще один кусочек головоломки встает на место. У мамы с папой нет другого выхода. Это не банальная забывчивость, вроде «ой, мы просто упустили это из виду, Фаррен». Мой взгляд устремляется к Мёрфи. Серебряных дел мастера просто отдали приказ тем, кто ниже их по статусу. Невысказанное звучит громко и отчетливо: «Радуйтесь, что мы вообще работаем с вами. А для нашего спокойствия Джеймс будет каждый день ходить по вашей территории и следить, чтобы вы не делали ничего противозаконного: не трогали нашего дракона, не претендовали на наше серебро и не пытались подняться до нашего уровня».

Моя кровь закипает, и я в миллионный раз ощущаю сильнейшее желание выкрикнуть правду.

– Все верно, – подтверждает мама. – Только медь, олово и железо. И все равно их отслеживают ради забавы и лишают металла.

Я оборачиваюсь к ней, потрясенная ее резким тоном. Она замечает мой взгляд и демонстративно вытирает руки о тряпку, которая всегда висит у нее на поясе. Кажется, ей очень хочется бросить ее в меня. Мёрфи в очередной раз дают понять, что мы ниже их, а я стою тут вся в грязи, словно подтверждая их правоту.

«Черт возьми».

– С удовольствием проведу для вас экскурсию снова, – говорит папа с легкой непринужденностью. – Прошло уже довольно много времени с вашего последнего визита.

Да, прошло немало времени с тех пор, как мистер Мёрфи вместе с оравой тренеров и оценщиков обошли нашу территорию, подсчитывая стоимость каждой сотки и озвучивая свои предложения. Я до сих пор помню, как разочарование волной прокатилось по их лицам, когда мои родители ответили отказом.

– В другой раз, – бурчит мистер Мёрфи.

Мамин намек на то, что его бизнес – это, по сути, браконьерство, объясняет, почему он так внезапно захотел поскорее отсюда убраться. Я совершенно не удивлена.

– Если все решено, нам пора идти. Онья. – Он тянет жену к двери. – Джеймс, иди заberi свои вещи.

Я наблюдаю за их уходом, ощущая, как моя голова распадается от новой информации, словно шарик, наполненный воздухом. Все решено? Вещи? Я поворачиваюсь к родителям, пользуясь отсутствием Мёрфи, чтобы докопаться до сути.

– Скажите мне, что это шутка! – восклицаю я.

Веселый настрой папы тут же испаряется без следа.

– Мы знали, что, приютив Хорта, привлечем внимание семьи Мёрфи. Они считают, что Джеймсу лучше оставаться с нами, пока его дракон поправляется. Поэтому попросили, чтобы их сын провел у нас все лето в качестве стажера.

– И под «*попросили*» ты имеешь в виду, что Онья вскользь упомянула об этом на прошлой неделе, а сегодня они просто нагрянули без предупреждения, – добавляет мама с легкой горечью.

Что довольно странно, поскольку она часто говорит, что ей чужды такие эмоции. Возможно, это что-то очень похожее, потому что в ее голосе определенно проскальзывает, пусть и завуалированная, но язвительность.

Я была права. Они вынудили нас. Слова папы эхом отдаются в голове, и я цепляюсь за другую его фразу.

– Остаться с нами? – вырывается у меня. Этого не было в описании вакансии! – А где он будет жить?

Во время разговора мы выходим на улицу, чтобы проводить гостей. И когда оказываемся на крыльце, папа указывает большим пальцем в сторону амбара.

– На чердаке.

Время словно растворяется. Вся привычная реальность рушится.

На. Чердаке. Я щиплю себя за руку и с сожалением понимаю, что не сплю.

Это мое любимое место. Над амбаром расположены уютные комнаты в деревенском стиле, где живет Джеффри. Я даже вижу их отсюда. Они так близко. Получается, в каком-то смысле мне придется жить *вместе* с Джеймсом Мёрфи. Не дни, не недели, а месяцы.

«Три месяца».

Это худший из возможных сценариев.

Краем глаза я наблюдаю, как Джеймс, неловко орудуя одной рукой, достает из багажника серебристого авто чемодан теплого коричневого цвета. Никто бы не стал так стараться ради шутки. Да и Мёрфи не из тех, кто шутит. Его улыбки излучают лишь высокомерие. Я даже не могу представить его смех, ведь за пять лет знакомства ни разу его не слышала.

Он действительно решил пожертвовать своим летом, чтобы жить здесь и одержать надо мной победу. Моя неприязнь перерастает в ненависть.

– А как же Джеффри? – Я так энергично машу рукой в его сторону, что чуть не забрызгиваю грязью самого «виновника», который что-то слишком уж спокойно реагирует на свое выселение. – Ты выгоняешь его, после всех этих двенадцати лет?

Джеффри, лучший тренер драконов, о котором только может мечтать девушка, смеется, и в этом веселье определенно скрыта какая-то тайна.

– Меня не выгоняют, Фаррен, – говорит он, и в его глазах пляшут искорки. – Шелли сказала «да».

Мой разум замирает.

– Ты имеешь в виду?..

– Мы женимся. И вместе переезжаем вверх по дороге, в старый дом мистера Флинна.

В этот миг все остальное перестает иметь значение. Заветная мечта – видеть Джеффри и Шелли вместе – жила во мне

с момента их знакомства в нашем заповеднике. Переполняющая меня радость вырывается наружу, и я, вскрикнув, бросаюсь на шею Джеффри. Он, предвидя это, ловит меня, кружит и опускает на землю. Что очень кстати, поскольку неподалеку стоят родители Джеймса, ставшие невольными свидетелями моего детского ликования.

Ну прекрасно. Теперь Мёрфи смотрят на меня так, словно я не в себе. Впрочем, ничего нового.

– Расскажешь мне все подробности позже! – требую я от Джеффри.

– Непременно, – обещает он с теплой улыбкой.

Я поворачиваюсь к родителям.

– И все же... Что насчет Нити? – шепчу я, взволнованно наблюдая, как мать Джеймса разговаривает с ним у багажника их машины.

Мама вздыхает и смотрит на папу. Кажется, они еще не успели это обсудить. Не было предупреждения, а значит, и времени на подготовку. Они так же сбиты с толку, как и я. Просто гораздо лучше это скрывают.

– Джеймс *не должен* узнать. Это останется нашей тайной, – уверяет мама.

Страх пронзает меня.

– Но как мы можем быть в этом уверены? Как...

– Фаррен. Мы обсудим это позже. – На мамином лице мелькает отчаяние, но тут же исчезает, будто его и не было, когда она встречается взглядом с миссис Мёрфи поверх мо-

его плеча. – Простите, что вы сказали, Онья? – спрашивает мама, когда та приближается.

Я не слышу самого вопроса, но ответ звучит с горькой ясностью:

– Да, конечно, у нас есть телефон.

Мне приходится прилагать усилия, чтобы не выйти из себя. Мы все вынуждены притворяться. Папа встречает пренебрежение с улыбкой, словно ничего не замечая, а мама играет роль простой домохозяйки, хотя она гораздо больше: бухгалтер, драконий всадник и искусный мастер по металлу. Учитывая статус папы как известного ветеринара, можно подумать, что он глава семьи. Но на самом деле именно мама держит заповедник *под своим контролем*. Мы все привыкли умалчивать себя. Но никогда *прежде* нам не приходилось делать это в собственном доме.

Папа обнимает меня за плечи.

– Знаю, это трудно принять, но я верю, что все наладится. Почему бы тебе не показать Джеймсу территорию? – предлагает он с энтузиазмом, будто только что нашел ключ к решению проблемы.

В этом и заключается вся сложность ситуации: я как-то не привыкла выкладывать за ужином свое мнение о сверстниках. Родители пребывают в иллюзии, что моя вежливость и дружелюбие свидетельствуют о прекрасных отношениях со всеми. Но их мир грез вот-вот взлетит на воздух. Мёрфи станет той искрой, что зажжет фитиль.

Мысленно фиксирую дату. Поскольку именно с этого момента все поменяется: родители узнают, что моя неприязнь к некоторым людям гораздо глубже. И у меня даже есть заклятый враг. Враг, который имеет все карты на руках и без зазрения совести использует их для грязной игры.

Две недели назад я спасла Джеймсу Мёрфи жизнь, а он в ответ намерен разрушить мою.

Обнимая меня, папа наконец замечает, что я вся в грязи.
– Тебе, пожалуй, не помешает привести себя в порядок после того, как ты покажешь ему все. Сначала займись Хортом, а потом собой.

Вот так все и возвращается на круги своя: привычный ритм жизни, где правят расписание и обязанности. Чтобы сохранить секрет, мы обязаны вести себя как обычно, демонстрируя полную нормальность. Подчинение серебряным мастерам – теперь неотъемлемая часть этой игры, как и совместное проживание с Джеймсом Мёрфи.

Разрушитель моей жизни приближается, уверенно шагая по гравию с чемоданом в руке. Он даже не оглядывается на своих родителей.

– Так быстро, – говорит мама, и в ее голосе слышится легкая грусть.

Ее сочувствующей натуре трудно смириться с тем, что не все умеют растягивать прощания подобно неспешному обеду из семи блюд.

Родители Джеймса продолжают стоять у машины.

– Есть еще кое-что, – заявляет мистер Мёрфи, и его голос не терпит возражений.

– Да? – спрашивает папа, как всегда, полный оптимизма. Он – непревзойденный мастер притворства.

Мистер Мёрфи вдруг мнетя, и слово берет его жена:

– Мы хотим прояснить *одно* правило. Джеймс и ваша девочка могут быть... – она подбирает слова, явно испытывая затруднение, – исключительно друзьями.

Я почти выкрикиваю возражение, что никогда не буду дружить с Джеймсом Мёрфи. Но затем истинный смысл слов его матери проникает до самых костей. Она намекает на отсутствие близости. Она намекает...

Мистер Мёрфи наконец вклинивается в разговор, ворчливо добавляя:

– Мы не допустим *ничего* неуместного. Металлы не должны смешиваться.

Стоп. Они оба говорят о... Мои щеки заливают румянец, который поднимается до самых корней волос, словно от обморожения.

– Вам не нужно... – заикаюсь я.

«*Беспокоиться*», – хотела сказать я, но Джеймс опережает меня. Он смотрит мне в глаза и улыбается. Это так необычно. Настолько, что мне требуется секунда, чтобы привыкнуть к его чертам, которые теперь выглядят искренне дружелюбными. У него даже появляются ямочки, о существовании которых я и не подозревала. Что-то меня настораживает, и через

мгновение я понимаю, что именно. Эта улыбка может означать только одно.

– Обещаю. Это не будет проблемой.

Мёрфи усмехается, наглядно демонстрируя, что это сущий пустяк.

Мне бы следовало оскорбиться. И я действительно оскорблена. Несмотря на то что это те личные границы, которые я сама всегда с упорством отстаиваю, мое сердце бьется, словно пойманный дракон. Причина в том, что...

Улыбка Джеймса, уверенная, даже игривая, не сходит с его лица. Тогда до меня доходит: ему действительно не составит труда выполнить это условие. Не встречаться со мной и не испытывать ко мне никаких чувств – проще простого.

Это означает, что я безнадежно застряла с ним.

Глава 4. Когда девушка твоей мечты ненавидит тебя

ДЖЕЙМС

Я только что дал самое трудное обещание в своей жизни. Следующие три месяца я проведу в ближайшем соседстве с Фаррен Уолш, притворяясь, что не одержим ею.

Изначально эта идея была моей, и мама поддержала ее, но сейчас она кажется мне до ужаса глупой. О чем я только думал? Ведь с самого начала было ясно, что ничего хорошего из этого не выйдет. «Серебро к серебру», «где родился, там и пригодился» – эти слова, точно мантру, вбивали в мою голову с тех пор, как я впервые прикоснулся к металлу в четыре года.

Слова отца, сказанные ранее, стали для меня приговором, окончательно похоронив мою надежду. Я чуть не прыснул со смеху, когда лгал им, уверяя, что это не проблема, хотя, ду-

маю, моя ухмылка неплохо скрыла истину. Возможно, мне действительно стоит посмеяться над собой, ведь моя невезучесть просто абсурдна. Наконец-то я нашел в себе силы приблизиться к Фаррен. Две недели я тщательно продумывал этот план, используя Хорта как предлог. И вот когда счастье было так близко, все снова оказалось под угрозой. Но я не могу допустить, чтобы все мои усилия пропали даром.

Неожиданно для себя я понял, что ненависть Фаррен Уолш ко мне, пожалуй, даже к лучшему. Ее присутствие неизменно выводит меня из равновесия, заставляя говорить неукладываясь. А тот факт, что я стал ее главным соперником в борьбе за полную стипендию академии «Ривир», лишь усилил ее враждебность. Казалось бы, куда хуже, но мой приезд сюда усугубил ситуацию еще больше, судя по тому, как она на меня смотрит. И как же горько осознавать, что единственный раз, когда мы оказались с ней лицом к лицу, я был в бессознательном состоянии, балансируя на грани жизни и смерти.

Но я должен был оказаться здесь, чтобы мои мечты осуществились. Если я всерьез намерен стать драконьим ветеринаром, то освоение необходимых навыков напрямую зависит от стажировки у доктора Уолша и получения медицинской степени в «Ривире».

Родители срываются с гравийной дорожки, даже не помавав на прощание. Уже представляю, как отец своим резким голосом спрашивает маму, действительно ли все это необходимо. Я машинально тянусь к повязке. Сломанная рука

– единственная причина, по которой мне удалось избежать летних тренировок с ним.

– Фаррен с радостью покажет тебе все, – говорит доктор Уолш.

В ответ его дочь молча отворачивается и бредет обратно к Харту, буквально излучая несчастье.

Миссис Уолш открывает рот, явно собираясь отчитать ее.

– Все в порядке, – перебиваю я ее порыв, сжимая потертую ручку своего чемодана. – Спасибо вам, что приняли меня. Я очень это ценю.

– Ах, ну что ты, мы только рады, – отвечает миссис Уолш, и на ее лице читается удивление, словно она не ожидала от меня подобной вежливости.

Я спешу догнать Фаррен, пока она не скрылась из виду. Каждый ее шаг выдает недовольство сложившейся ситуацией. Все произошло очень стремительно, но это было необходимо. При этом, похоже, Уолши совершенно не догадываются о ее неприязни ко мне. Вероятно, дома она не позволяет себе говорить обо мне плохо. Это ведь хорошая новость, не так ли?

«Стоп», – одергиваю я себя.

Это не имеет значения. Бессмысленно ожидать от нее даже простого приветствия, не говоря уже о том, чтобы ей понравиться. Потому что «нас» нет и никогда не будет. Это невозможно.

Хорт взмахивает крыльями, заметив мое приближение.

– Спокойно, дружище, – командую я, издавая тихий свист, чтобы он понял серьезность моих слов.

Но он продолжает вилять хвостом, и это так трогательно. Мой замечательный дракон. Первый, кого я тренировал с самого рождения, и тот, кто принес мне столько побед. Чувство вины пронзает меня, когда я вижу бинт, обернутый вокруг его крыла. Эти последние недели – самые долгие, что мы провели в разлуке. И все же как приятно видеть Хорта, резвящегося на пастбище под открытым небом. Здесь он может в полной мере расправить свои крылья.

Это место просто великолепно. Солнце заливает все вокруг, а зеленые просторы тянутся до самого горизонта. Я впервые оказался в заповеднике и поражен увиденным. Мой отец уверен, что этим обширным прибрежным землям нужна его помощь и финансовая поддержка, полагая, что Уолши в конечном итоге уступят и продадут все. Однако, зная, что они могут позволить себе содержать порядка дюжины драконов и обслуживать всю эту территорию, я очень сомневаюсь в их отчаянном положении.

Металлический отблеск в траве притягивает мой взгляд, и я приседаю, чтобы поднять одну из чешуек Хорта. Перевернув ее, я замечаю крошечный кусочек серебра – мимолетное проявление его инстинктивного страха. Мой отец, не задумываясь, назвал бы это пустяком, ведь серебро не покрывает чешуйку целиком. Но я давно не видел, чтобы Хорт линял *сам*, и успел забыть, что драконы делают это естественным

образом.

– О, кажется, нам придется их собирать...

Я вздрагиваю, пораженный задумчивым тоном Фаррен.

– А обычно не собираете?

– Ну, иногда, но... – Она пожимает плечами. – Сам понимаешь. – Должно быть, мое недоумение очевидно, потому что Фаррен продолжает: – Большая часть чешуек все равно не содержит достаточного количества металла для обработки.

Эта мысль глубоко трогает меня. Местные драконы счастливы. Им нет нужды защищаться, облачаясь в броню, как драконам, принадлежащим моей семье. Внезапно чешуйка Хорта кажется мне раскаленным углем в руках. Я чувствую себя одним из скалеров, срывающих ее с него, пока он ревет от боли.

– Вот. – Я протягиваю чешуйку Фаррен. – Возьми.

– Но ведь там есть серебро.

У меня возникает идея.

– Ты могла бы потренироваться с ее помощью, – бурчу я.

«Боже, что со мной не так? Почему я никогда не могу вести себя нормально рядом с ней?»

Фаррен всматривается в чешуйку, ее взгляд выражает смесь замешательства и любопытства.

– И тебя это устроит?

Мне так и хочется ответить: «Конечно!» Я искренне верю, что Фаррен могла бы стать выдающимся серебряным масте-

ром. Мы появляемся на свет с врожденной предрасположенностью к работе с определенными металлами, унаследованной от родителей, чаще всего от матерей. Но, как и любой талант, эта склонность не ограничивает наши возможности. Фаррен нужно лишь найти общий язык с серебряными драконами и начать оттачивать свои навыки в работе с их металлом. Я бы с радостью обучил ее, но могу только представить силу гнева отца. Передавая эту чешуйку, я фактически позволяю ей взять то, что он считает своей собственностью. И хотя эти правила загоняют людей в ловушку несправедливой системы, он без колебаний возлагает вину на них самих, потому что искренне убежден: бедность и отсутствие нужных связей – это исключительно их собственные промахи.

– Вполне, – стараясь выглядеть невозмутимым, будто речь идет о пустяках, отвечаю я.

Словно меня не ждало бы суровое наказание за одно лишь подобное предложение.

Фаррен прижимает мою протянутую руку к гипсу.

– Не стоит так нервничать, Мёрфи. Я прекрасно знаю свое место.

– Но...

Фаррен переводит разговор:

– Мне нужно привести Хорта в порядок, а после заняться Дафин.

Я кладу чешуйку Хорта в карман, чувствуя невольное облегчение от ее отказа. И тут же презираю себя за это.

– Я могу его помыть.

Взметнувшаяся вверх бровь заставляет мое сердце замереть. Черт, я просто обожаю, когда она так делает. Ее темные брови, ярко контрастирующие со светлыми волосами, двигаются с невероятной выразительностью. Без очков этот контраст становится еще сильнее.

– Одной рукой? – спрашивает она.

– Я справлюсь.

Фаррен недоверчиво фыркает, но все же отпускает Хорта. К моему полному изумлению, он не устремляется ко мне, а вместо этого нежно прижимается к ее шее. Я застываю в недоумении, не в силах осознать происходящее.

– Ты ему нравишься? – вырывается у меня, и я сам удивляюсь собственной резкости.

Хорт – самый ласковый дракон, на котором мне когда-либо доводилось летать, но его привязанности всегда были очень избирательны. По правде говоря, он не испытывает симпатии ни к кому, кроме серебряных мастеров, и даже к ним относится с большой осторожностью. Когда сегодня утром Хорт сбросил Фаррен, я решил, что она испытывает с ним трудности и ей потребуется моя помощь. Это, кстати, было одной из главных причин, по которой я так настойчиво просил родителей позволить мне остаться здесь на лето.

Но все обернулось совершенно иначе, отчего я чувствую себя лишним.

Фаррен поднимает на меня взгляд.

– Почему ты так удивлен? Из-за того, что Хорт учудил ранее?

Я молчу, не зная, что ответить.

– Сегодня утром это произошло из-за тебя, – продолжает она. – Нельзя же так подкрадываться.

– Я не подкрадывался.

Просто не стал окликать ее по имени. Это ошибка, когда имеешь дело с драконами. Они ценят спокойствие и тишину так же, как и я.

Фаррен следует за Хортом, направляясь к амбару.

– Как же тебе удалось уговорить моего папу? – тихо бормочет она себе под нос.

Я ускоряю шаг, чтобы не отставать, и глажу Хорта по голове, когда он поворачивается ко мне.

– Что тут скажешь, я умею располагать к себе. Кажется, всех, кроме тебя.

Она вздрагивает, явно не ожидая, что я ее услышу.

– Так ты знаешь?

– О том, что ты меня ненавидишь? – Я изо всех сил стараюсь не выдать, как сильно меня это задевает. К счастью, я в этом мастер. Ни одна эмоция не проскальзывает на моем лице. Жизнь с отцом отточила этот навык. – Да. Знаю.

– Тогда зачем ты здесь? Почему не нашел другого ветеринара, у которого мог бы учиться?

– Уверен, твоя ненависть ко мне не настолько сильна, чтобы ты захотела меня убить, спасительница. В отличие от

некоторых.

Произнеся эти слова, я внезапно осознаю, что, несмотря на их кажущуюся простоту, они раскрывают гораздо больше правды, чем я хотел. Фаррен чувствует неладное и останавливается. Хорт замирает вслед за ней.

Я привычно поправляю руку, зафиксированную в перевязи. Этот нервный жест стал моим постоянным спутником за последние недели. По натуре я всегда был тихим. В детстве моя сдержанность воспринималась как милая застенчивость, но в подростковом возрасте она стала проблемой, ассоциируясь с холодностью. Я мог открыться лишь немногим. И даже в самых смелых фантазиях не представлял, что смогу настолько выйти за рамки своей интровертной натуры, чтобы свободно общаться с Фаррен, да еще и в такой непринужденной манере: обмениваясь шутками и колкостями. Это словно пробуждение моей истинной сущности. В школе я много раз безуспешно пытался завязать с ней разговор, но теперь часть этого страха ушла. Почти умереть на глазах у девушки, которая тебе нравится, – это, пожалуй, самая неловкая ситуация, которую только можно представить. Последние две недели я пытался придумать что-то еще более ужасное, но безуспешно.

Наконец она отвечает:

– Раз уж нам придется жить вместе, перестань называть меня спасительницей.

– Без проблем, – соглашаюсь я.

Похоже, я не очень хорош в придумывании прозвищ, даже если они звучат как комплименты. Впрочем, это не удивительно.

Но когда она высказывает свое недовольство, я вдруг осознаю нечто важное. Весь этот день я вижу ту Фаррен, которую знал раньше, – ту, что всегда говорит, что думает. Ту, что с готовностью поднимает руку, чтобы ответить на любой вопрос о драконах, а затем добавляет еще несколько интересных фактов. Я всегда подозревал, что ее безразличие в последний год было лишь маской. Невозможно, чтобы такая открытая личность вдруг стала той незаметной мышкой, какой она сейчас притворяется в школе. Все это время я внимательно наблюдал за ней, пытаюсь уловить хотя бы малейший проблеск ее истинного характера. Но, как оказалось, чтобы увидеть настоящую Фаррен, мне просто нужно было оказаться в заповеднике.

– Ты, кажется, злишься на себя, – с улыбкой замечая я, желая еще немного ее поддразнить. – Жалеешь, что не позволила мне умереть, когда у тебя была такая возможность?

Ее брови вновь поднимаются, но Фаррен быстро берет себя в руки, нежно поглаживая Хорта.

– Моей главной целью было спасти *этого* парня. А тебе просто повезло, – заявляет она.

Повернувшись к амбару, она снова решительно направляется вперед, и ее короткие светлые волосы развеваются, касаясь плеч. Ее ложь вызывает у меня невольную улыбку.

Ведь если я что-то и знаю о Фаррен Уолш, так это то, что она безгранично добра. Она одинаково трепетно относится и к драконам, и к людям. Здесь я чувствую себя в полной безопасности, как никогда раньше.

А что будет с моим сердцем – только время покажет.

Глава 5. Когда спотыкаешься на ровном месте

ФАРРЕН

Мне и без того непросто дается роль экскурсовода, а тут еще и Мёрфи, как назло, молчит и не задает ни единого вопроса.

Мы приближаемся к амбару, пересекая луг, где часто пасутся райнериджи. Я сразу замечаю троих: их колючие шипы проглядывают сквозь кусты. Но Джеймс смотрит в их сторону совершенно безучастно. А мне так хочется рассказать ему, что у нас есть еще один лишенный крыльев, который любит притаиться в траве, сливаясь с ней.

Будь Мёрфи обычным стажером, я бы непременно упомянула, что сегодня у нас проживает четырнадцать драконов, и эти четверо райнериджей – в их числе. Есть также пара пожилых медных спринтеров – первых драконов моих роди-

телей, благодаря которым они и познакомились. Моя любимица – водный дракон Дафин, чьи габариты втрое превышают размеры спринтера. И, наконец, семь скиддеров. По сути, они виверны, а не драконы, но у них тоже есть металл. Им все еще требуется помощь, ведь всю стаю обнаружили лишенной чешуи и брошенной умирать недалеко от Хардсилла, примерно в пятистах километрах к северу отсюда.

Помимо спасенных драконов, наши земли изобилуют пещерами с фейлингами. Эти очаровательные создания размером с летучую мышь по ночам охотятся на насекомых, используя свое мерцающее свечение, чтобы привлечь добычу. Здесь же обитает стая диких водных драконов, с которыми иногда плавают Дафин. А в глубине лесов прячется исполинский древесный цилиндр – достаточно сообразительный, чтобы оставаться в пределах наших земель.

Но Джеймс упорно молчит. Как ему удастся быть таким невыносимым? Кажется, он открывает рот, только чтобы вывести меня из себя. А когда мне действительно хочется поговорить, он словно воды в рот набрал.

Открывая двери амбара, я уже успеваю примириться с его безмолвием. Впрочем, здесь уже нечего обсуждать: думаю, это место ничем не отличается от построек на трассах Мёрфи. Стены из грубого темного камня навевают мысли о древних пещерах, где когда-то гнездились драконы, – задолго до того, как люди научились использовать металл, покрывающий их чешую. Чтобы создать максимально комфортные и

естественные условия для наших подопечных, папа вырубил в стенах специальные ниши. Ну а пол, покрытый металлическими плитами, усеян сеном и явно требует уборки.

– Как пусто, – внезапно нарушает тишину Джеймс.

– Но ведь день в самом разгаре, – отвечаю я.

– А где все драконы?

Меня охватывает недоумение. Зачем драконам сидеть внутри, когда они могут наслаждаться солнцем и летать?

– Что ты имеешь в виду? Сейчас полдень, и у нас нет ночных пород. А все фейлинги дикие.

Джеймс открывает рот, но тут же осекается, словно передумав.

– Забудь.

Мы проходим мимо ряда загонов и оказываемся в просторной, залитой светом нише, которую папа приготовил для Хорта. Я подталкиваю дракона к блестящим серебряным перилам – его любимому лакомству.

В тот момент, когда я собираюсь закрыть полудверцу, Джеймс окликает меня:

– Постой.

Он бросает чемодан и входит в загон, осматривая его так внимательно, словно следователь на месте преступления.

– Что ты ищешь?

Но Мёрфи, как всегда, не достаивает меня ответом.

– Хорт. Растянись.

Дракон с шипением расправляет крылья, задирает голову

и принимает угрожающий вид. Джеймс обходит его вокруг.
– Здесь очень просторно.

Мне не нравится, насколько удивленным звучит его голос.
– Ты правда думал, что мы посадим его в крошечный загон? – Я выхватываю форель из ближайшего ведра, подхожу к Джеймсу и встаю между ним и Хортом. – На, лови.

Я бросаю рыбу прямо в драконью пасть, и Хорт расслабляется, с явным удовольствием принимая угощение.

– Мне просто нужно было убедиться.

Да какая разница! Одна лишь мысль о том, что мы могли содержать это прекрасное создание в ужасных условиях, вызывает во мне такое сильное негодование, что я невольно сжимаю челюсти.

Когда я наконец выпроваживаю Джеймса и прикрываю полудверцу, он замечает:

– У вас нигде нет решеток.

Ладно, возможно, я ошибалась и наш амбар совсем не похож на помещения Мёрфи.

– Ты намекаешь на... клетки? – Я стараюсь не звучать возмущенно, но это выходит само собой. – Зачем они вам?

– Потому что это драконы, – медленно говорит Джеймс.

– Ну а у нас так не принято. – У меня нет желания углубляться в причины, по которым Джеймс считает клетки необходимыми, поэтому я перевожу тему: – Вход на чердак находится в глубине амбара.

Сказав это, я уверенно шагаю к лестнице с металлически-

ми ступенями. Лишь звук шагов Джеймса и поскрипывание его чемодана говорят о том, что он следует за мной.

Мое поведение, пожалуй, оставляет желать лучшего. Несмотря на всю мою неприязнь, я не предлагаю ему помощь с багажом, даже зная о его сломанной руке. Пересилив себя, я поворачиваюсь, чтобы, пусть и неохотно, предложить помощь. Но в тот же миг спотыкаюсь, теряю равновесие и начинаю падать лицом вперед. Джеймс хватает меня за талию и останавливает.

Задыхаясь, я пытаюсь осознать произошедшее. Мёрфи спас меня. Ну или, по крайней мере, не дал мне упасть. Ведь я не собиралась погибнуть во цвете лет, в отличие от него. Но гораздо сильнее меня волнует то, что он прижимается ко мне.

Его гипс касается моего живота, а дыхание щекочет ухо, когда он спрашивает:

– Ты в порядке?

Я скольжу взглядом с его плеча к глазам и, к своему удивлению, не вижу в них ни тени гнева или раздражения. Вопрос *«ты в порядке?»* на этот раз звучит искренне.

Как только он меня отпускает, я тут же отскакиваю от него и несусь вверх по лестнице, лишь бы оказаться подальше.

– Да, спасибо. Очки не для красоты, знаешь ли, – оправдываюсь я.

– Понятно. – Он прокашливается. – Рад, что это было не намеренно.

– С какой стати мне спотыкаться намеренно?

– Чтобы найти предлог приблизиться ко мне, – поясняет Джеймс.

Гнев обрушивается на меня, обжигая изнутри.

– Мне казалось, ты понимаешь, что я тебя ненавижу?

Я уже второй раз говорю это вслух, и мне совершенно не стыдно. С кем-либо другим меня бы уже совесть замучила. Но с Мёрфи нет нужды в вежливости. Я могу быть собой, со всей своей прямолинейной грубостью.

Он пожимает плечами:

– Некоторые люди очень странно флиртуют.

Его непоколебимая уверенность и глубоко укоренившееся высокомерие просто выводят меня из себя. Всего пятью словами он умудряется намекнуть, что я к нему равнодушна, выставив все так, будто я специально спотыкаюсь и падаю ему в объятия. Да я вообще никогда и ни к кому не испытывала симпатии! Однако я бы скорее умерла, чем призналась ему в этом.

Неужели все это действительно выглядит как флирт? Неужели существует такая нелепая возможность?

«Нет. Категорически нет».

От этих мыслей я краснею как рак, но тут же в голове вспыхивает идея. Я в два счета могу выставить Мёрфи из нашего заповедника! При условии, что существует только одно правило, которое он обязан соблюдать, что, если я подтолкну Джеймса к его нарушению?

Пока мы поднимаемся по лестнице, я собираюсь с духом, чтобы высказаться.

– Давай покончим с этим.

– Покончим с чем?

– Ты можешь учиться у любого другого ветеринара в городе. Зачем тебе эта глушь? Да и я совсем не хочу, чтобы ты был здесь.

– Ого, неужели ты уже придумала, как от меня избавиться? – Мы замираем на лестнице между этажами, и Джеймс опирается на перила. – Быстрее, чем я предполагал.

Я делаю шаг вниз, приближаясь к нему.

– Это проще, чем ты думаешь.

– Ну-ка, расскажи.

– Я могу заставить тебя влюбиться в меня и пойти против воли твоих родителей.

Слова срываются с языка без колебаний. Сама не понимаю, откуда взялась эта уверенность. Мой голос даже не дрогнул. Видимо, в глубине души я всегда мечтала о том, чтобы бросить ему вызов.

«Посмотри мне в глаза и скажи, что я непривлекательна. Осмелюсь на это».

Джеймс открывает рот от удивления. А когда приходит в себя, то вторгается в мое личное пространство, оказываясь чересчур близко.

– Ты кое в чем ошибаешься. Я *хочу* быть здесь больше, чем ты можешь себе представить. И не собираюсь никуда

уезжать в ближайшее время. — Он хмыкает, и это самый близкий к смеху звук, который я когда-либо от него слышала. — Поэтому попробуй сделать все, что в твоих силах, Уолш. Все. Что. В. Твоих. Силах.

* * *

После этих провокационных слов я усмехаюсь в ответ и бросаюсь домой.

Дверь захлопывается за мной с громким стуком. Сделав несколько шагов, я прислоняюсь к кухонным шкафам и опускаюсь на пол, закрыв глаза. А когда снова открываю их, то вижу стоящих надо мной родителей.

— Что случилось? — обеспокоенно спрашивает мама.

Но я не могу сказать ей. Не могу признаться в том, что намеренно выводила Джеймса Мёрфи из себя и подначивала его, а он, вопреки своей обычной отстраненности, не остался равнодушным. Кажется, впервые в жизни мое лицо краснеет не от стыда. Это что-то совершенно иное.

— Умоляю, скажите, что это не конец света.

— Ты немного драматизируешь! — смеется папа.

Но мне хочется драматизировать. Ведь наше положение действительно катастрофично. Вся эта ситуация напоминает трагическую пьесу, где каждый акт наполнен напряжением.

Папа протягивает мне ладонь.

— Пойдем обсудим, — предлагает он.

Я принимаю его руку и поднимаюсь.

– Разве тут есть что обсуждать? Скажите прямо. Хорт нужен нам, чтобы дотянуть до конца года?

– Это действительно поможет. – Мама поднимает руки, словно признавая поражение. – Очень. К тому же они готовы платить тысячу фунтов за проживание Джеймса, что позволит нам сохранить зарплату для Шелли. Онья сделала предложение, от которого просто невозможно отказаться.

Черт возьми, целая куча денег, и отличная новость для моей дорогой подруги.

Мама держит это место на плаву и ведет бухгалтерию так, как никто другой просто не смог бы. Именно поэтому мы являемся единственным драконьим заповедником в Форсене. Дело не в отсутствии желаний у других, а в нехватке средств. Поэтому, когда мама говорит, что нам нужны деньги, это не прихоть, а *реальная необходимость*.

– Значит, выбора у нас нет, – резюмирую я.

Папа едва заметно улыбается.

– Я понимаю твои переживания. И тоже волнуюсь. Но... – Всегда есть «но». Несмотря ни на что, искра надежды есть даже в самой крошечной тьме. Вот почему он такой замечательный ветеринар. Папа спасает животных, которых другие считают обреченными. И кажется, искренне верит, что присутствие Мёрфи не усугубит наши проблемы. – Но, – продолжает он, – я убежден, что Джеймс может оказать нам неоценимую помощь. Не только с Хортом, но и с другими драко-

нами. Ты не хуже меня знаешь, что некоторые наши клиенты предпочитают присутствие серебряного мастера во время осмотров.

Моя челюсть отвисает.

– Хочешь сказать, что мы позволим Джеймсу Мёрфи держать скальпель и принимать похвалы?

– Я ведь позволил это тебе. И мог бы научить его. Мы могли бы.

Зависть бурлит под кожей, готовая вырваться наружу при малейшем неверном движении. Джеймс превосходит меня во всем: его оценки выше, он виртуозно держится в седле, и его мастерство в работе с металлом неоспоримо. Моим единственным козырем были уроки отца, но теперь, кажется, он собирается лишить меня и этого. Папа ни разу не дал мне понять, что ему нужен кто-то другой вместо меня. Сколько я себя помню, он всегда приговаривал: *«Лучший и единственный не всегда одно и то же, но в твоём случае это именно так»*. Почему же сейчас мне кажется, что он с радостью принимает идею о моей замене? Я чувствую, что вот-вот заплачу.

– Но как мы сможем скрываться от него? – настаиваю я.

– Как обычно, милая. Будем осторожны.

Нет. Джеймс слишком наблюдателен. Я отчетливо представляю его пронизательный взгляд, которым он так часто одаривает меня в последние две недели. Каждый раз мое сердце сжимается от страха, что Мёрфи что-то заметит и

разоблачит меня.

– Ему нельзя доверять! – восклицаю я. – Что, если он здесь *из-за Нити*?

– Ты думаешь, он шпион? – спрашивает мама, прикусывая губу от волнения.

Я киваю. Моя подруга Кара именно так и называет его: «шпион Джона Мёрфи», подсылаемый следить за каждым драконом, попадающим в аукционный дом, которым заведует ее мама.

– Даже если это так, Джеймс имеет полное право находиться здесь, чтобы заботиться о Хорте, – вздыхает папа. – К тому же миссис Мёрфи сказала, что он сам попросился сюда. Им вдвоем пришлось уговаривать Джона, поэтому я уверен, что старший Мёрфи ничего не знает. Нам просто нужно убедиться, чтобы все так и оставалось.

Вот он, момент истины. Мне наконец нужно рассказать им, что Джеймс, скорее всего, уже в курсе насчет Нити. И это не результат происков его родителей. Он узнал это благодаря мне, после того как две недели назад оказался на грани жизни и смерти, и я была уверена, что держу в руках его бездыханное тело.

Мама прерывает мои размышления вопросом:

– Что он за мальчик?

– Эм...

Мне бы хотелось все объяснить им и поставить точку в этой неразберихе, но слова ускользают, не желая складываться-

ся в нужную форму. Его поведение на трассах и в школе говорят сами за себя. Очевидно, что Джеймса готовят стать точной копией его отца.

– Он достойный юноша. Тихий. Одинокий, – опережает меня папа.

– Одинокий? – вырывается у меня. – Да его просто обожают в школе и на гоночных трассах! Ты бы видел, как все расступаются перед ним, словно он особа королевской крови.

Папа хмурится:

– Фанаты и другие гонщики, безусловно, проявляют к нему интерес. Но я не замечал, чтобы Джеймс завел с кем-либо из них настоящую дружбу.

– Ну, да, но...

Как мне донести до них, что вся школьная социальная иерархия выстроена вокруг Джеймса? Он – несомненный лидер, возведенный на пьедестал. Его превосходство проявляется во всем: лучшие оценки, успехи в спорте, мастерство в работе с металлом. Все эти выдающиеся качества вызывают всеобщее восхищение.

Однако меня вдруг одолевают сомнения. Кажется, Джеймс действительно ни с кем не поддерживает близких отношений. Печально быть в центре внимания, но при этом оставаться без настоящих друзей. Раньше я думала, что это просто часть игры, какой-то хитрый ход, но сейчас уже не так уверена.

Впрочем, я стараюсь быстро отогнать эти мысли. Если я

позволю себе и дальше думать об этом, то рискую проникнуться к нему сочувствием. А буквально десять минут назад, когда я сделала это, то оступилась и рухнула прямо в его объятия...

Мама прерывает нас обоих:

– Мне нужно знать, есть ли в Джеймсе что-то от его отца.

– Нет, – отвечает папа. – Он – жертва гнева Джона Мёрфи.

Но я не вижу этого в нем самом.

«Жертва?»

Родители обмениваются своими фирменными молчаливыми взглядами, и я больше не стараюсь разобраться в ситуации. Они всегда так делают. Думаю, что мое появление в их жизни после неудачных попыток стать родителями сделало их настоящей командой, такой непробиваемой стеной. *«Ты пропустила все трудности»*, – часто повторяет мама, обнимая меня. Но я не думаю, что это так. Просто они мастерски скрывают свои переживания глубоко внутри и передали этот навык мне.

– Фаррен, а ты что думаешь?

Как же я люблю маму за то, что она интересуется моим мнением. Но какое оно? И смогу ли я его высказать? После всего, что произошло в нашей семье за последний год, я стала еще глубже прятать весь негатив. Научилась искусно притворяться. Я могла бы рассказать им о нашем соперничестве, о попытках Джеймса отобрать мою стипендию или даже о том, как его слова «никчемная» и «посредственная» продол-

жают причинять мне боль, когда я снова и снова прокручиваю их в голове.

«Жертва гнева Джона Мёрфи...»

– Честно говоря... я не знаю, – отвечаю я.

Мама понимающе кивает:

– Главное, чтобы он ничего не заподозрил и не заметил нас на скалах. Придется вставать ни свет ни заря.

– Ночью. Джеймс тоже встает рано.

– Раньше нас? – Мама удивленно поднимает брови.

– Да, – со вздохом подтверждаю я.

Мои родители понятия не имеют, кого пригласили жить к нам. Джеймс – это не просто подросток, а настоящий мутант, которому, похоже, вообще не требуется сон. В школе он известен тем, что всегда приходит первым и до начала уроков посвящает время совершенствованию своего магического ремесла. Я пытаюсь следовать его примеру, но он неизменно оказывается впереди. Однажды я пришла за два часа до занятий, а Мёрфи уже был там – одинокий силуэт, сосредоточенно вытачивающий металлические полоски и методично стреляющий ими по мишеням.

– Прежде всего нам нужно установить ряд правил. – Папа задумчиво поглаживает свою бороду. – И ключевое из них: Джеймсу строго запрещено приближаться к скалам.

Мама выпрямляется.

– Значит, кто-то должен пойти к нему и объяснить это, не вызывая подозрений или, что еще хуже, любопытства.

– Только не я! – вырывается у меня, потому что одна лишь мысль о предстоящей встрече с ним вызывает у меня приступ паники.

Может, мне удастся избегать его в течение всех трех месяцев? Вдруг это сработает?

– Пойду поговорю с ним, – заявляет папа, направляясь к двери, но внезапно останавливается и оборачивается ко мне. – Фаррен, Джеймс – всего лишь твой сверстник. Он не страшнее любого дракона, о котором ты когда-либо заботилась.

Я молчу, потому что в глубине души чувствую, что папа ошибается. Отныне Джеймс – самое пугающее существо в нашем заповеднике.

Глава 6. Когда тебя приветствуют и предупреждают

ДЖЕЙМС

После нашей перепалки на лестнице мне нужно собраться с мыслями. К счастью, Фаррен лишь усмехается в ответ на мое дерзкое заявление и оставляет меня одного у двери чердака. Ее угроза заставить меня влюбиться в нее поначалу кажется мне несерьезной. Но что, если бы она приняла вызов и ответила взаимностью на мой флирт? Я уверен, что не смог бы устоять, и не знаю, выдержало ли бы мое сердце такое испытание. Возможно, мне стоит быть благодарным, что она ясно обозначила свои намерения изгнать меня, прежде чем я окончательно потерял бы от нее голову. Потому что я бы без колебаний сдался. Сначала я, возможно, сомневался бы, но после надежда взяла бы верх. Даже сейчас, когда я пытаюсь представить различные варианты развития собы-

тий, мне становится не по себе.

Я сосредоточиваюсь на том, что меня окружает. Это место не просто красиво – оно ощущается как дом. Не тот, в котором прошло мое детство, а, скорее, такой, каким он должен быть: теплым и уютным. Открытые деревянные балки на потолке придают ему особый шарм. В моем распоряжении собственная мини-кухня, ванная комната и даже гостиная. Это настоящая квартира, и именно таким я представляю свое будущее место в общежитии академии «Ривир». В воздухе витает насыщенный аромат драконов и свежескошенного сена.

Опустившись на пол, я открываю чемодан, предвкушая разбор вещей. Мне не верится, что все это происходит на самом деле. Я буду жить здесь несколько месяцев, вдали от родителей и их постоянных конфликтов.

Стук в дверь заставляет меня вздрогнуть, и я глубоко вздыхаю, готовясь к новой встрече с Фаррен и ее попытками вывести меня из равновесия. Однако вместо нее появляется ее отец с приветливой улыбкой.

– Как ты? Обустроиваешься? – спрашивает он.

Я тут же вскакиваю, чтобы поприветствовать его, но доктор Уолш машет рукой:

– Продолжай, не обращай на меня внимания.

Я достаю рубашку и кладу ее на кровать, но чувствую себя неловко, распаковывая вещи при докторе. Поэтому украдкой поглядываю на него, если ему все-таки что-то понадобится.

Это худощавый мужчина, совсем непохожий на моего отца. Даже его осанка и легкая походка свидетельствуют о совершенно ином образе жизни: тихом, скромном и *умиротворенном*. Ему, кажется, лет на пятнадцать больше, чем моим родителям, которым едва перевалило за сорок, но выглядят они еще моложе. У мамы по-прежнему огненно-рыжие волосы. Она каждый раз расцветает улыбкой, когда кто-то настаивает, что я никак не могу быть ее сыном. «Наверняка вы его старшая сестра!» – восклицают другие женщины. Родители Фаррен, напротив, принимают течение времени с невозмутимым спокойствием. Словно возраст для них вовсе не повод для беспокойства.

Внезапно доктор Уолш говорит:

– Я понимаю, что здесь довольно пусто и это не совсем соответствует твоим ожиданиям, но...

Мои руки замирают над вещами.

– Это гораздо больше, – возражаю я и тут же сожалею о своей несдержанной реакции. Ведь я так хотел этого и даже умолял. – Я имею в виду... Спасибо вам, сэр. За все.

– Что я говорил тебе насчет «сэра»? – поднимает он бровь.

– Не обращаться к вам так. – Черт. – Извините, доктор Уолш.

Он поглаживает свою светлую бороду.

– Честно говоря, «доктор Уолш» тоже не самый подходящий вариант.

Я замолкаю, как всегда, когда не знаю, что сказать.

– Как насчет Патрика? Это не будет слишком странно?

Лучший ветеринар драконов во всем Тулине только что предложил мне называть его Патриком?

– Если вам так будет удобнее...

Я прикусываю язык, чтобы не добавить еще одно «сэр».

– Вот и прекрасно. – Мы оба замираем, услышав вдалеке рев дракона. – Ах да, – произносит он, – кажется, это идеальный момент, чтобы обсудить еще кое-что.

В голове тут же всплывает наставление моих родителей держаться подальше от Фаррен. Не представляю, как можно сделать это предупреждение еще более очевидным.

Доктор Уолш тоже опускается на пол и с большей аккуратностью, чем я смог бы сделать одной рукой, расправляет мои брюки.

Мне требуется мгновение, чтобы осознать его действия. Эта забота одновременно удивляет и успокаивает меня.

– Вам не...

– У тебя же гипс, Джеймс.

– Ладно. Спасибо.

Я беру другую рубашку, испытывая неловкость. Не припомню, чтобы когда-либо прежде я оказывался на полу в компании взрослого мужчины и уж тем более разбирал вместе с кем-то вещи.

– А теперь давай проясним один вопрос. На наших землях обитают разнообразные виды драконов. Некоторые из них могут быть тебе совершенно незнакомы, поэтому ты не смо-

жешь тренировать и лечить их. Никаких встреч с ними без меня, Эрин, Джефффри или Фаррен.

Он аккуратно раскладывает на покрывале мою рубашку на пуговицах.

– Фаррен?

А я думал, что буду находиться под присмотром взрослых. Улыбка доктора Уолша полна гордости.

– Она знает свое дело. Мне бы хотелось, чтобы в будущем вы оба смогли действовать самостоятельно.

– Понял.

Значит, у нее будет достаточно возможностей осуществить свои планы по моему устранению, а у меня – шансов ошибиться. Замечательно...

– Что еще важнее, и я хочу, чтобы ты это усвоил: держись подальше от скал. Даже когда полностью восстановишься. Ты меня понял?

Я хмурюсь, не улавливая сути, пока взгляд доктора Уолша не останавливается на моем гипсе.

– Мы же не хотим, чтобы ты снова пострадал.

Жар разливается по шее, заставляя меня покраснеть. Я миную стадию неловкости и погружаюсь в стыд.

«Он знает», – пульсирует в глубине моего сознания.

– Доктор Уолш... то есть... Это был несчастный случай. Я бы никогда...

«Я не пытался убить себя!» – хочется закричать мне, но слова застревают в горле.

– Несчастный случай, значит? Как в прошлом месяце, когда ты говорил, что Хорт сбросил тебя и поэтому у тебя ссадина на щеке?

Пульс стучит в ушах.

– Просто пообещай мне держаться подальше от скал.

– Обещаю.

Я уверен, что смогу сдержать свое слово.

– Хорошо. – Доктор Уолш делает паузу. – Ты поступил правильно, что приехал сюда. С Хортом тоже все будет в порядке.

– Пока мой отец снова не затащит его на гонки. Или, что еще хуже, в клетку, где он спит.

По закону Хорт принадлежит отцу, и мне часто кажется, что моя жизнь тоже под его каблуком.

За месяц до нашего падения доктор Уолш отвел меня в сторону и сообщил, что у Хорта начали проявляться признаки неправильного роста крыльев. Это распространенная проблема для спринтеров, эффективность которых зависит от их компактности и аэродинамичности. Хорт – идеальный представитель своего вида, но генетические процессы не всегда предсказуемы. Он стал слишком большим для гонок и клеток на трассах отца, что привело к недостатку места для нормального развития его крыльев. Если бы отец узнал об этом, он бы не колеблясь распрощался с Хортом, используя его чемпионский статус как главный козырь на аукционе.

«В долгосрочной перспективе он может утратить способ-

ность летать, если останется в таких условиях», – сказал тогда доктор Уолш. Его слова поразили меня в самое сердце, и это ощущение не покидает меня до сих пор.

– Мы разберемся с этим по мере необходимости, – говорит доктор, успокаивая меня. – Сейчас вы оба в безопасности. Это уже победа, Джеймс.

Да, это действительно победа. Как будто я выиграл в лотерею. Но я не могу избавиться от чувства, что падаю в бездну. И не уверен, что Фаррен снова окажется рядом, чтобы поймать меня.

Снаружи доносится радостный визг, и мы с доктором Уолшем одновременно подходим к окну. Открывшийся вид захватывает дух и простирается до самых скал – тех, к которым мне только что запретили приближаться. Внизу, на поле, Фаррен моет Дафин – драконицу, которая помогла мне спастись. С этого ракурса становится очевидной причина, по которой Дафин живет в заповеднике Уолшей. Ее голубая чешуя испещрена десятками шрамов – следами от рыболовных сетей.

Дафин брызгает на Фаррен водой, и та, промокшая до нитки, заливается смехом. Я отворачиваюсь, чувствуя себя незванным зрителем, а доктор Уолш качает головой, но без тени раздражения.

– Эта девчонка...

Да, эта девчонка. Та, от которой мне нужно держаться подальше, и в первую очередь потому, что она намерена изба-

виться от меня.

Хотя этот чердак кажется мне убежищем, я не могу позволить себе оступиться. Я буду бороться за свое место здесь и за достойное будущее. Будущее, из которого мне придется вычеркнуть Фаррен Уолш, если я хочу выжить.

Глава 7. Когда твое утро омрачается назойливым вмешательством и запретным металлом

ФАРРЕН

Мне предстоит привыкнуть к новой реальности, в которой Джеймс Мёрфи вторгается на нашу кухню с первыми рассветными лучами. Утро в семье Уолш идет своим чередом. Я, как обычно, занимаюсь приготовлением яичницы – это наш летний понедельничный ритуал. Мама сидит за обеденным столом и сосредоточенно составляет расписание на неделю. А папа, чей голос всегда остается спокойным, независимо от темы – будь это серьезное заболевание или просьба принести сэндвич с ветчиной, – разговаривает по телефону в соседней комнате.

И вот появляется Мёрфи, с этой неизменной серьезной миной на лице. Полагаю, именно его «загадочность» и притягивает девчонок, словно магнит. Но как по мне, так это полная чушь.

Он выглядит на удивление небрежно. Я никогда не видела его в чем-то, кроме школьной формы или летного снаряжения. Сегодня на нем лишь белая рубашка и бриджи с подтяжками, а волосы влажные. Этот образ мгновенно возвращает меня к тому дню, когда я вытащила его из воды. Мы оба были промокшими до нитки, и я крепко прижимала его к себе, пока Дафин несла нас к медицинскому шатру.

Я возвращаюсь к яичнице, соскребая ее со сковороды.

– Ну, доброе утро, Джеймс. Фаррен не шутила. Похоже, у нас появилась еще одна ранняя пташка, – смеется мама, потягивая кофе. – Признаюсь, я думала, что большинство подростков спят до обеда.

Услышав это, я невольно фыркаю. Мне бы и в голову не пришло шутить о странностях Джеймса Мёрфи, особенно когда это может повлиять на все. Я знала, что он будет бодрствовать. Но его присутствие на нашей кухне все равно вызывает шок и ощущение чего-то неправильного.

– Я заметил свет, – объясняет Джеймс.

– Пожалуйста, присоединяйся к нам, – предлагает мама и переключает внимание на меня. – Фаррен, приготовь завтрак и для Джеймса, пожалуйста.

За все эти годы я жарила яичницу для Джефффри и Шелли

бесчисленное множество раз, но сейчас мне ужасно хочется сказать «нет».

— О, не стоит, — пытается возразить Джеймс, но его взгляд, скользящий по выцветшим обоям кухни, выдает обреченность.

На его неловкость больно смотреть.

— В каком виде ты их предпочитаешь? — спрашиваю я, не поднимая глаз.

Меня охватывает странное, почти абсурдное предвкушение: я вот-вот узнаю, как Джеймс Мёрфи ест яйца. Эта мысль кажется до смешного нелепой.

— Что бы ты ни приготовила, все подойдет, — отвечает он, немного помолчав, и занимает место, где обычно сидит Джеффри. — Яичница-болтуня — отличный вариант.

Бросив на него мимолетный взгляд, я замечаю, что он вертит в руках перечницу.

Я взбиваю еще яиц и приступаю к приготовлению завтрака для своего врага, пытаюсь игнорировать его присутствие. Тем временем Джеймс прислушивается к разговору папы в соседней комнате. Его ровный голос доносится через дверь: *«Вы видите кость?»*

— Патрик, должно быть, говорит о чем-то ужасном, — замечает мама. — Ты привыкнешь к его неизменному спокойствию, даже когда он обсуждает самые мрачные вещи. Это напомнило мне кое о чем. Твоя мама хотела убедиться, что ты знаешь, где телефон, и можешь им воспользоваться в лю-

бой момент. — Она поджигает губы. — Надеюсь, ты не будешь слишком скучать по дому.

— Не буду.

Раскладывая яйца по тарелкам, я осторожно подслушиваю их беседу. Мама не воспринимает короткие ответы Джеймса как сигнал прекратить расспросы и продолжает:

— Но ведь ты не увидишь своих друзей все лето, и... О! А как же твоя девушка? У такого красавца, как ты, наверняка должна быть девушка.

Перечница с грохотом падает на стол, и я резко оборачиваюсь с тарелками в руках.

Джеймс, пытаясь разобраться с беспорядком, отвечает:

— Нет. — Его взгляд устремляется ко мне. — У меня ее нет.

Я ставлю перед ним завтрак и невольно хмурюсь. Мне хочется крикнуть: «Не смотри на меня, когда говоришь такое!» Мама может решить, что я завела тайного парня. А я бы точно не стала скрывать подобное. Что касается Джеймса, его имя так часто мелькает в школьных списках потенциальных бойфрендов, что я сама начала верить слухам о его романах с тремя девушками одновременно.

Мама невозмутимо прихлебывает кофе, совершенно не замечая, как неловко она заставляет всех себя чувствовать, и в первую очередь меня.

— Что ж, может, это и к лучшему. До города далеко, а отношения на расстоянии могут быть непростыми.

Как же мне хочется, чтобы этот разговор поскорее за-

кончился! Однако мама продолжает изливать свои неловкие размышления о делах любовных, совершенно не замечая, что Джеймс полностью поглощен яичницей и словно не воспринимает ничего вокруг. Но она *не умолкает*.

– Фаррен таким не интересуется, – говорит мама деловито и с оттенком гордости.

Словно моя странность – это некий редкий дар, который нужно заслужить. В то время как те запутанные чувства, которые я испытываю, вовсе не кажутся мне достойными зависти.

Боже, какой стыд. Не сомневаюсь, что любая другая девушка интересовалась бы *«таким»*, но только не я. Раньше я списывала это на свою необщительность, однако это не так. Мне нравится знакомиться и сближаться с людьми, и сама идея романтики меня совсем не пугает. В последние недели, во время тренировок с Джеффри, я была одержима его рассказами о том, как он готовился сделать предложение Шелли. По сути, я проживаю чужую историю любви на протяжении многих лет. А в глубине души лелею мечту о семейном счастье, детях и... близости.

Это будущее манит меня, но кажется недостижимым. Одна из главных причин – моя неуверенность в том, как пробудить в себе женственность. Я могу оценить чью-то привлекательность, но влечение остается для меня загадкой. Экстраверт, жаждущий романтики, но ни разу не познавший трепет влюбленности. Парадокс.

Папа врывается в комнату и бросает куртку на стул.

– Фаррен, у нас шесть-один-два на трассах Мёрфи. Выезжаем сразу после завтрака.

Я киваю, испытывая благодарность за то, что он прервал эту пытку.

Он подхватывает свою тарелку и спрашивает:

– Ну что, какая тема сегодня на повестке дня?

– Джеймс делится подробностями своей личной жизни, – улыбается мама.

Глаза папы загораются игривым огоньком.

– О? – с любопытством говорит он.

В этот момент Джеймс давится яйцами. Следующие тридцать секунд его тело сотрясается от приступа кашля, и папа хлопает его по спине. Я спешу подать ему стакан воды, Мёрфи делает глоток, но кашель никак не утихает.

– Ты в порядке? – хором спрашивают мои родители.

– Да, – хрипит Джеймс, явно не «в порядке», но, по крайней мере, снова обретая возможность говорить.

– Отлично. Мы же не хотим прослыть семьей, которая сначала спасла тебе жизнь, а через пару недель отправила на тот свет, – смеется папа, и мама вторит ему.

Они ужасны.

Мама обожает болтать со мной и Шелли о всяких девчачьих штучках. Но я никак не ожидала, что она полезет с подобными разговорами к Джеймсу Мёрфи. Это уже слишком.

– Кстати, – папа вдруг становится серьезнее, – твои роди-

тели очень настаивали на том, чтобы ты регулярно принимал свою серебряную воду.

– У меня уже готов кипяток для тебя, – добавляет мама.

А я-то думала, почему чайник мешает мне готовить недельничные яйца... Ведь мы не самые большие любители утреннего чая.

– Я... эм... – Джеймс поднимает свою гипсованную руку. – На самом деле в этом нет необходимости. Все быстро заживает. Даже слишком быстро, как говорит наш врач.

Прислушиваясь, я усердно уплетаю яйца, стараясь ни на кого не смотреть. Именно в этом и кроется моя сокровенная тайна. Мама с папой и тем более Джеймс ни при каких обстоятельствах не должны узнать о том, что я сделала.

– Твои родители очень просили, чтобы ты не пропускал ни дня. Им важно, чтобы гипс был снят как можно скорее, – не сдается папа.

Я поднимаю взгляд на Джеймса, и мне кажется, что он совсем не в восторге от этой идеи. Хотя, может, это просто мое разыгравшееся воображение.

– Фаррен, принеси Джеймсу горячей воды, – обращается ко мне мама.

Я тут же встаю, привыкшая помогать им, но в то же время не испытывая желания становиться личной служанкой Мёрфи.

– Нет-нет, не беспокойся, я сам, – торопливо говорит Джеймс, вскакивая из-за стола.

Поскольку я сижу ближе к плите, то первой оказываюсь у чайника. Но не успеваю взяться за ручку, как Джеймс опережает меня.

Я отступаю, скрестив руки на груди, и жду. Интересно, догадается ли он спросить меня? Будь мы одни, Мёрфи наверняка отпустил бы какую-нибудь колкость и просто потребовал сказать, где кружки. Но сейчас он снова тот Джеймс, которого я знала до его спасения. Тот, кто не смел вторгаться в мое личное пространство и провоцировать меня на попытку *сделать все, что в моих силах*. Мне трудно понять, как в нем уживаются эти две крайности: сдержанность и высокомерие.

– Кружки в шкафу справа от тебя, – говорю я, уступая.

Он выдыхает с облегчением, берет одну из них и наливает горячей воды. Затем, словно это что-то запретное, а не лекарство, Мёрфи высыпает в воду серебристый порошок из маленького флакона. С тихим шипением металл оседает на дно. Пальцы Джеймса слегка дрожат над клубами пара, пока он размешивает серебро, стремясь полностью его растворить. Одна такая порция, требующая целой измельченной чешуйки, могла бы стать панацеей от гриппа, помочь заживлению синяка или облегчить боль в спине. На дне кружки – недельный заработок папы, вложенный в лечение руки, которая и так прекрасно восстанавливается.

Я неосознанно наклоняюсь вперед, пока Джеймс не замечает это и не меняет свое положение.

– Проверяешь, как я справляюсь?

– Нет, – отшатываюсь я. – Конечно нет.

– Уверена?

Как бы мне хотелось пройти настоящий курс по приготовлению настоев! Я люблю свою школу, но нас держат в рамках строгой ремесленной иерархии. Медь, в отличие от бронзы и серебра, не обладает необходимыми целебными свойствами, поэтому зельеварение исключено из нашего учебного плана. Но хуже всего, что эти знания охраняются как самый строгий секрет. Существует древнее поверье, что употребление металла, превосходящего твой класс, может привести к ужасным последствиям: от различных уродств и хронических болезней до смерти. Список возможных бедствий бесконечен, а потому все убеждены: металлы несовместимы, ведь наш организм с трудом справляется даже с настоем. Всего двадцать лет назад браки между представителями разных классов были запрещены законом. Однако я ни на йоту не верю в эту очередную ложь, которую распространяют серебряных дел мастера, чтобы сохранить свой драгоценный металл исключительно для себя.

Джеймс смотрит на кружку, а затем на меня.

– Хочешь попробовать? – неожиданно спрашивает он.

Я замираю, уставившись на него. Серебряный настой – табу без рецепта врача. Что произойдет, если кто-то узнает, что он дал его мне? Ремесленников осуждали и за менее серьезные проступки. Похоже, это очередная проверка, как вчерашний осмотр загона Хорта.

– Конечно нет.

Он тяжело вздыхает, наклоняет кружку и выпивает все одним глотком.

– Просто хотел отплатить услугой за услугу.

У меня кровь стынет в жилах. Он не может знать. Никак. Тем не менее, пытаясь расшифровать его намеки, я прихожу к самым тревожным выводам: Мёрфи в курсе, и я уже раскрыла семейную тайну.

– Ты только что...

– Фаррен, – зовет папа, – пойдем.

Я тут же вынырываю из своих мыслей. Нужно постараться просто игнорировать ситуацию. Притворное неведение и уклонение – самые эффективные стратегии маскировки.

– Да, я готова.

Джеймс делает шаг вперед, собираясь присоединиться к нам, но папа, заметив его намерение, останавливает его:

– На этот раз ты, пожалуй, останешься, Джеймс. Это Хендрикс. Полчаса назад он сломал крыло, и ситуация очень серьезная. Твой отец тоже будет там, – добавляет папа после небольшой паузы.

Хендрикс и Хорт – близнецы. Их окрас идентичен: ярко-оранжевый с черными отметинами. Хендрикс не такой ласковый, как его брат, но все равно очень тяжело смотреть на страдающего дракона, который так напоминает твоего.

– Я бы хотел пойти, сэ... – Джеймс осекается, но быстро добавляет: – Я очень хочу пойти.

Наступает момент молчаливого напряжения, прежде чем папа все же соглашается:

– Хорошо. Тогда вам с Фаррен придется решить, кто займет место посередине.

Глава 8. Когда пытаешься спасти девушку, но она спасает себя сама

ДЖЕЙМС

Я совершенно не представлял, что означает «место посередине», но вскоре все прояснилось. Доктор Уолш управляет блестящим медным грузовиком с прицепом, способным вместить спринтера. А в его кабине, как оказалось, предусмотрено всего два места: одно для водителя, другое для пассажира.

Неважно, что я не сопротивлялся и Фаррен сначала выиграла, но после вынужденно уступила мне, когда ее отец вспомнил про мой гипс. Главное, что мы оказываемся плотно прижатыми друг к другу, от плеча до самого колена.

Впереди меня ждет целый час страданий.

Мы подпрыгиваем на ухабах, проезжая мимо старой медной таблички с надписью «Заповедник Уолшей». Каждый

раз, когда моя левая рука касается правой руки Фаррен, мы невольно отшатываемся, увеличивая дистанцию между нами. Это настоящая пытка, и я уже предчувствую, как к концу пути моя спина будет ныть от напряжения.

Мне нужно отвлечься. Бескрайние поля, мелькающие за окном, прекрасны и спокойны, но их безмятежность не приносит мне умиротворения.

Я собираюсь с мыслями и спрашиваю:

– Что такое «шесть-один-два»?

– Ах да, – улыбается доктор Уолш. – Вот тебе первый урок семейного бизнеса: мы используем сокращения для наших пациентов, чтобы иметь возможность обсуждать их травмы, когда рядом находятся посторонние. Первая цифра показывает, насколько серьезным, по нашей оценке, выглядит случай для дракона, по шкале от одного до девяти. Вторая отражает, насколько серьезным этот случай считает сам клиент по этой же шкале. А третья цифра указывает на класс металла дракона, где шесть – это железо, пять – олово, четыре – медь, три – бронза и два – серебро.

– О. – Что-то здесь не так. – Почему серебро – два? Разве оно не должно быть первым?

Сидящая рядом со мной Фаррен напрягается.

– Это из области мечтаний, но я очень хочу верить, что золотые драконы не вымерли, – отвечает доктор Уолш.

Его голос полон надежды, словно не люди стали виновниками уничтожения этих самых драконов. Период, получив-

ший название «Золотая бойня», до сих пор считается крупнейшей ошибкой в истории. Около восьмисот лет назад охота на драконов стала престижной профессией. В погоне за ценными и крупными золотыми римбеками люди безжалостно разоряли драконы гнезда. Они и не догадывались, что через двести лет человечество освоит искусство обработки этих металлов и раскроет их удивительные лечебные свойства, что навсегда изменит наш мир. Но к тому времени ущерб был непоправим. Слишком много золотых драконов погибло, их гнезда опустели, а детеныши умирали, лишенные родительской чешуи, служившей им пропитанием. Теперь мы можем лишь предполагать, какие недуги могли бы исцелять золотые чаи.

Доктор Уолш крепче сжимает руль.

– Даже если золотые драконы больше не существуют, я твердо намерен оставить эту цифру свободной. Как дань памяти произошедшей трагедии и напоминание о причинах, которые к ней привели.

Миссис Уолш оказалась права: его непоколебимый оптимизм не поддается сомнению, а голос звучит ровно.

Следующий час я только и делаю, что киваю, слушая, как доктор Уолш говорит о своем бизнесе и перечисляет клиентов. Среди них соседи, разводящие скот; всадники с личными ящерами и горожане, посвятившие себя тренировкам, разведению или гонкам драконов. Некоторые, как мой отец или семья Мур с их аукционным домом, успешно совмеща-

ют все три направления. Фаррен время от времени вносит уточнения или добавляет интересные факты. При этом она совершенно не проявляет своей обычной враждебности. Я же просто сижу, стараясь не прикасаться к ней, и впитываю каждое слово.

За окном зелень постепенно уступает место металлу. Поначалу это едва уловимо: каменные стены домов, ворота и уличные знаки содержат железо и олово, украшающие каждый уголок.

Далее перед нами предстает стена – монументальное укрепленное металлом каменное сооружение, которое некогда служило щитом старому центру Форсена. Возведенная для защиты от драконов и прочих угроз до того, как наши предки освоили ремесло, она ознаменовала переход человечества от роли жертвы к роли охотника. Спустя века мы научились использовать спринтеров и другие виды для передвижения, досуга и даже лечения. Сегодня эта стена представляет собой лишь пережиток прошлого, грань, разделяющую старинный деревянный центр города от раскинувшихся по всей холмистой долине металлических построек. «Металлических» – потому что, несмотря на деревянную или каменную основу, каждый дом теперь облачен в металл, цвет которого соответствует социальному статусу его обитателей. Иначе как еще продемонстрировать свою идентичность, не прибегая к откровенному хвастовству?

Тренировочный центр моего отца сверкает на окраине

города. Серебристые постройки, среди которых особняк на вершине холма и стойла для драконов, располагаются вдоль огромного искусственного озера, предназначенного для гонок. Вода призвана смягчить возможные последствия падений. С двенадцати лет это место служило мне тренировочной площадкой. Именно там две недели назад я рухнул с неба вместе с Хортом. Я провел здесь всю свою жизнь, но теперь, ощутив настоящую близость к природе у берегов заповедника Уолш, я вижу, насколько фальшивым и вычурным кажется все, что я знал ранее.

Озеро обрамлено величественными каменными колоннами высотой в пятнадцать метров. Сиденья, высеченные прямо в камне, украшены яркими подушками и готовы принять зрителей. Воздух здесь плотный и спертый, лишенный освежающего морского бриза, который мог бы разогнать эту удушную духоту.

Внезапно где-то вдалеке раздается рев дракона – звук, одновременно завораживающий и пугающий, из-за чего я толкаю Фаррен, сам не осознавая, насколько сильно вздрагиваю. Когда я вновь выпрямляюсь, она поворачивается, чтобы взглянуть на меня.

– Не ожидал, что так скоро вернешься домой, да?

– Ага... Дом, милый дом.

Наш путь ведет туда, что в моем окружении называют стойлами, но теперь, увидев амбар Уолшей, я понимаю: это самые настоящие клетки. Перед нами простирается огромная площадка, предназначенная для приземления драконов. Машина вдруг тормозит, и Фаррен врезается в меня. Но мы оба не обращаем на это внимания, потому что наши взгляды прикованы к оранжевому спринтеру, лежащему на земле. Его спина неестественно выгнута, а крылья безжизненно раскинуты по сторонам.

– О нет, – выдыхает доктор Уолш, со скрипом открывая дверь.

Фаррен вылетает из машины, и в ее голосе звенит паника:

– Я думала, это всего лишь сломанное крыло!

Я вываливаюсь из грузовика на дрожащих ногах.

«Это не Хорт, – твержу я себе. Хорт в безопасности». А вот его брат, Хендрикс, лежит разбитый так, каким я его еще не видел.

Когда драконы испытывают страх или боль, их тела покрываются металлической оболочкой, чтобы защитить уязвимые места. Исходя из этого, можно было бы ожидать наличие серебряной дуги, покрывающей его спину. Но вместо этого металл покрывает лишь участок от носа до шеи. И он... я никогда не видел ничего подобного... мерцает. Словно в

приступе, серебряная пластина то нарастает, то отступает, будто он пытается активировать себя.

В углу раздается рев другого дракона – это Бекс, мать Хендрикса. Она – спринтер на пенсии, выведенная для самых быстрых гонок. Сейчас вся ее чешуя покрыта серебром. Но Бекс испугана не за себя, а за свое дитя. Тренеры Рохан и Талия удерживают ее за уздечку, пытаясь увести от места. Рев драконицы эхом разносится по арене, заставляя дрожать даже спокойную гладь озера. Я и прежде бывал свидетелем ее раздражения, но никогда не слышал такого пронзительного страдания.

В плену этой мучительной агонии я не замечаю приближения Колма Диттерса, пока он не заслоняет собой Фаррен. Он мокрый, без рубашки и единой царапины. Это Колм управлял Хендриксом, а потому я не удивлен, что все произошло по его вине, ведь Диттерс – посредственный всадник, который возомнил себя равным мне. Это может показаться высокомерным, но факты говорят сами за себя: дракон пострадал из-за его некомпетентности.

Однако Диттерс обладает неоспоримыми достоинствами, которых так недостает мне: он высокий, стройный и харизматичный. А еще без малейших колебаний подкатывает к Фаррен, даже в такой неподходящий момент.

– Привет. Без очков ты выглядишь просто потрясающе.

Она скрещивает руки на груди:

– А ты выглядишь... невредимым.

Колм ухмыляется, воспринимая это как комплимент.

– Я умею прыгивать, в отличие от этого парня, – кивает он в мою сторону.

– Рада за тебя, – бросает Фаррен, проходя мимо него.

– Но ты все еще можешь сделать мне искусственное дыхание! – кричит ей вслед этот придурок.

Она бросает на него презрительный взгляд и направляется к Хендриксу, а я невольно задаюсь вопросом, не испытывала ли она такое же отвращение во время моего спасения.

Как правило, я стараюсь избегать Колма. Не люблю пустую болтовню, а потому всегда пытаюсь его игнорировать. Однако, как это обычно бывает, он и в этот раз сам инициирует разговор.

– Мне же не показалось? Ты только что вылез из грузовика Уолшей? – усмехается он. – Не знал, что перелом руки означает необходимость якшаться с низами пищевой цепи.

Внутри меня поднимается желание ударить его и во всеуслышание заявить о том, что Уолши – замечательные люди, превосходящие многих других. Однако я удерживаю себя, понимая, что это лишь раздует спор о социальном положении. Диттерс тут же начнет намекать, что, если бы их основным занятием было ремесло, такое близкое общение могло бы бросить тень на мою семью. Более того, он, несомненно, будет настаивать на том, что Фаррен Уолш ниже меня по статусу, хотя на деле она превосходит нас обоих своей добротой и заботой, в то время как он демонстрирует лишь самовлюб-

ленность и черствость.

– На твоём месте я бы больше беспокоился о себе.

Колм бросает взгляд на Хендрикса:

– Да, отстой. Я тренировался с ним на резких поворотах, и у него отказало крыло. К счастью, я успел спрыгнуть, иначе сразу два лучших всадника выбыли бы на весь сезон.

Я лишь злобно смотрю на него и толкаю в плечо, проходя мимо. Он спятил, если считает себя хотя бы вторым.

Приближаясь к Хендриксу, я осознаю, что мне следовало подготовиться к этому моменту ещё в машине. Доктор Уолш и Фаррен действуют как единое целое. Фаррен озвучивает пульс и реакцию зрачков Хендрикса, пока её отец внимательно изучает странный изгиб лопаток дракона. Любая моя попытка вмешаться или предложить помощь будет неуместной, поэтому я просто наблюдаю со стороны.

Я не жду от отца бурной радости или теплых объятий после моего внезапного возвращения, но его вопрос: *«Зачем ты приехал?»* – все равно ранит. Ему даже не требуется ответ. Он отворачивается и тут же забывает о моем существовании. В этом и заключается огромное преимущество сло-манной руки. Ведь если я не могу участвовать в гонках и не тренируюсь к ним, то для своего отца я просто пустое место.

Доктор Уолш пристально наблюдает за мерцанием металла и изгибом спины Хендрикса. Он методично обводит его тело медным лезвием, осматривая ноги, крылья и грудь. Реакции нет.

– Что произошло? – спрашивает доктор своим мягким голосом. – Мне сказали, что у него сломано крыло.

Вперед выступает мистер Диттерс – отец Колма. Это мужчина с неизменно хмурым выражением лица, обладающий достаточным тактом и здравым смыслом, чтобы наполнить чайную ложку.

– Мы так полагаем.

Доктор Уолш вздрагивает, как от удара.

– У него сломан *позвоночник*, мистер Диттерс.

Отец Колма осмеливается изобразить потрясение.

– В конечном итоге это ведь почти одно и то же, не так ли?

Лоб доктора Уолша пререзает глубокая морщина. За нами раздается отчаянный рев Бекс, и меня сковывает леденящий ужас. Это не шесть-один-два, это *девять*-один-два.

– Каков вердикт, Патрик? – спрашивает мой отец. – Его можно спасти?

Доктор Уолш устало проводит ладонью по лицу:

– Мне жаль, Джон. Он парализован ниже шеи. Этот дракон больше никогда не сможет летать.

Отец молчит, и кажется, что все вокруг задержали дыхание. Или это лишь мое восприятие, исходя из того, что его дальнейшие слова должны определить участь Хендрикса.

– Тогда смерть.

– Мне жаль. Это...

Но отец прерывает доктора Уолша взмахом руки.

– Скалеров сюда, живо! – кричит он. – Подготовьте этого

зверя.

Меня пробирает дрожь. «Скалеры» – отвратительное название для ужасных людей на службе у моего отца. Они снимают металлические пластины с чешуи дракона, живого или мертвого. Но мне стоило сразу догадаться об этом. Я наблюдаю за Фаррен, которая ласково гладит Хендрикса по голове. С каждым ее мягким и успокаивающим прикосновением серебро Хендрикса отступает, возвращая его некогда ярко-оранжевый цвет. Мой отец, однако, прикажет скалерам повернуть этот процесс вспять. Осознание всего ужаса происходящего отдается пульсацией в висках. Хендрикс познает лишь страдания в последние мгновения своей жизни.

– Ты, – резко говорит мой отец Фаррен. – Прекрати! Я не позволю этому дракону умереть напрасно.

Осознание приходит к Фаррен мгновение спустя.

– Нет. Пожалуйста. Он и так напуган и испытывает невыносимую боль. Серебра достаточно. Не мучьте его ради нескольких лишних килограммов.

Отец выглядит совершенно сбитым с толку. Несколько килограммов серебра – это годовой бюджет для семьи из четырех человек. Он не понимает ни ее, ни ее непоколебимой решимости.

– Ты ничего не смыслишь в бизнесе, девочка.

Фаррен поднимается, расправляя плечи и излучая уверенность.

– А вы – ничего в сострадании.

Я уже готовлюсь броситься вперед, чтобы принять на себя удар, который неминуемо последовал бы, если бы я осмелился сказать хоть что-то столь же дерзкое и правдивое.

Он делает шаг вперед, и я инстинктивно повторяю его движение. Но мистер Диттерс, не улавливая нарастающей напряженности, суетливо вклинивается между нами. Ну мы же помним про чайную ложку, да?

– Джон, я ожидаю, что это будет оформлено как несчастный случай и Колм получит еще одного серебряного спринтера к предстоящему сезону.

На лице моего отца читается явное отвращение.

– Диттерс, если мне не изменяет память, в контракте, который мы подписали, упоминалась аренда *исключительно* Хендрикса... – Его взгляд скользит к Колму. – По настоящей просьбе твоего сына.

Мистер Диттерс раздувается, словно индюк:

– За весьма существенную сумму, я бы сказал. Плюс страховка, по которой я всегда своевременно производил платежи. Кроме того, мы обсуждали гарантии призовых мест на уровне чемпионата.

Диттерсы – печально известная бронзовая семья, отчаянно пробивающая себе путь к серебру. Их навязчивая идея повторить успех Муров, сумевших перейти из бронзы в высшую лигу, вызывает неловкость. Чемпионский титул Колма – это их единственный шанс попасть на пиршество избранных, где они наконец смогут насытиться вкусом настоящего

триумфа.

– Твоему сыну очень повезет, если он не лишится своей летной лицензии, Диттерс. Больше никакой благотворительности с моей стороны не ждите. – Отец разворачивается. – Где мои скалеры? Немедленно приведите сюда Арта Уимбли! – кричит он.

Фаррен бросается к своему отцу со слезами на глазах:

– Ты должен переубедить его! Хендрикс еще ребенок.

Доктор Уолш кивает, сжимая ее плечи:

– Я постараюсь, милая. Я постараюсь.

Когда трое столь непохожих друг на друга мужчин направляются в тренировочный центр, мое внимание снова привлекает Фаррен. Она садится обратно на землю рядом с Хендриксом, и тот с воплем боли кладет голову ей на колени. Я стою в оцепенении, стараясь не плакать и не смотреть на то, как брат Хорта борется за каждый вздох, но не могу отвести взгляд.

Эта сцена до боли напоминает мне нашу первую встречу с Фаррен. Нам обоим было по двенадцать. Она с поразительным хладнокровием успокаивала дракона, пока ее отец накладывал шину на его сломанную лапу. Я же, застыв рядом, был охвачен смесью страха и восхищения, очарованный как процессом лечения, так и своей зарождающейся влюбленностью.

Помню, как я все же подошел к ней и спросил, как им это удалось.

«Что удалось?» – уточнила она.

Мне хотелось узнать, как они смогли преодолеть страх или вовсе его не испытывать, но у меня не получилось выразить свои мысли.

«Лана...» – только и смог пробормотать я.

«Ну мы же не могли просто наблюдать за тем, как он мучается, правда? Нельзя просто смотреть».

Она понимала это даже в свои двенадцать лет, в то время как я лишь бездействовал. Вот только мне уже не двенадцать. Больше нет оправданий для страха и отстраненности. Пришло время помочь ей.

Но едва я делаю шаг вперед, как что-то серебристое проносится на краю моего зрения. Бекс больше ничто не сдерживает: тренер Рохан выронил уздечку. С мощным размахом крыльев Бекс взмывает в небо. В ее глазах полыхает чистая ярость, когда она направляется к своему сыну. А значит, и к Фаррен.

– Фаррен! – вырывается из меня крик.

Нет, скорее вопль.

Я поднимаю руку, пытаюсь сосредоточиться на каждой металлической чешуйке Бекс, но, кажется, тщетно. Сомневаюсь, что даже самые искусные серебряные мастера смогли бы справиться с такой стремительностью и мощью.

Мой окрик заставляет Фаррен вздрогнуть, и она инстинктивно поднимает руки для самозащиты. Тренеры выкрикивают команды, но это не помогает. Бекс – воплощение страха

и отчаяния. Каждая чешуйка на ее теле встает дыбом. Для нее Фаррен – прямая угроза ее ребенку. Угроза, которую она намерена устранить.

Управление металлом всегда казалось мне противостоянием незримой силе тяжести. А попытка остановить Бекс сродни желанию удержать две тонны живого веса. Когда я отшатываюсь назад и слышу треск своего гипса, это становится неоспоримым доказательством. Я понимаю, почему терплю неудачу, но тем не менее вкладываю в сопротивление каждую каплю своей силы и энергии. Бекс неумолимо движется вперед с распахнутой пастью и обнаженными зубами.

Мое сердце бьется как сумасшедшее, а руки дрожат от напряжения. Этот миг может стать для нас последним. Я судорожно ищу в кармане серебряную монету, превращая ее в острый, смертоносный осколок. Я не желаю этой драконице смерти, но она не должна навредить Фаррен.

Уже готовясь метнуть его, я отчаянно борюсь с отбрасывающим меня назад откатом собственной магии.

Бекс внезапно застывает в воздухе, будто прикованная к месту невидимыми путами. Она хлопает крыльями и напрягает шею, но не может сдвинуться. Что странно, поскольку моих усилий явно недостаточно для такого контроля.

– Продолжай удерживать ее, Джеймс! – кричит тренер.

Я не слышу, кто именно, потому что все мое внимание сосредоточено на другом. И это не попытка удержать серебряного спринтера подальше от Фаррен, как я намеревался.

От меня ничего не зависит.
Она справляется сама.

Глава 9. Когда приходится изображать беспомощность

ФАРРЕН

«Что я наделала?»

Бекс надрывается, тренеры вторят ей криками, создавая невыносимую какофонию. Шум нарастает, пока один из сотрудников не вводит серебряную иглу в шею драконицы. В этот момент напряжение внутри меня ослабевает, словно я сбрасываю тяжелое бремя, и приходит облегчение. Я расслабляю руки, стараясь выглядеть просто испуганной девочкой, прикрывающей голову. Сила пульсирует во мне, жажда вновь испытать напряжение, — как мышца, требующая растяжки.

Я просто... не могу поверить, что позволила себе растянуть ее на людях.

Покалывание в затылке заставляет меня резко обернуть-

ся. Джеймс Мёрфи смотрит прямо на меня. Как только наши взгляды пересекаются, я понимаю, что шок на его лице – это реакция на мои действия.

«Он знает».

Один из мужчин хлопает Мёрфи по спине, выражая свое одобрение. Колм, охваченный трепетом от его подвига, тоже бросается к нему. Но я не слышу, что он говорит, потому что Джеймс продолжает пристально смотреть на меня, даже не моргая.

Меня подхватывают знакомые руки: это папа. Он тихо шепчет что-то на ухо, спрашивая о моем состоянии. Я лишь киваю, не смея отвести взгляд от Джеймса. Стоит мне отвлечься, и это будет равносильно признанию в том, что я удерживала Бекс и контролировала ее тело с такой легкостью, будто это пустяк.

– Фаррен, скажи что-нибудь, – просит папа, сжимая мои плечи. – Ты в порядке?

Мир вокруг начинает обретать четкость. Папин взгляд полон тревоги. Тишина, наступившая после криков Бекс, кажется неестественно глухой.

– Да. Я в полном порядке, – говорю я.

И это правда, не считая того, что я, кажется, раскрыла свой секрет.

Хендрикс издает стон, и его боль снова выходит на первый план. Я впиваюсь пальцами в куртку папы, надеясь на хорошие новости.

– Ты смог убедить мистера Мёрфи?

– Я сказал им, что парализованный Хендрикс не даст нужного количества серебра. Но... они собираются попробовать.

Тоска, граничащая с отчаянием, сдавливает мою грудь.

– Нет...

– Дракон принадлежит ему. По закону выбор остается за ним. – Папа крепче обнимает меня. – Я сделаю все, чтобы Хендрикс пережил это с наименьшей болью. Тебе необходимо уйти отсюда как можно дальше...

Туда, где я не услышу, как с Хендрикса сдирают чешую.

– Я знаю такое место, – заявляет Джеймс, неожиданно появляясь перед нами. – И отведу ее туда.

– Пожалуйста.

Не знаю, обращается ли папа к Джеймсу или умоляет меня послушаться, но я в любом случае соглашаюсь. Если мне не дано предотвратить происходящее, я отказываюсь быть свидетелем.

Я в последний раз приседаю перед Хендриксом, проводя ладонями по его чешуе. Серебро отступает под моими пальцами. Вот в чем проявляется настоящая сила.

– Прости. Скоро все закончится.

Как только трое скалеров появляются на арене, Джеймс уводит меня к стойлам. До моих ушей доносится перезвон металла и инструментов, прикрепленных к их поясам. Я замечаю несколько обсидиановых кинжалов – острых лезвий

из вулканического стекла. Они способны пронзать плоть как дракона, лишённого чешуи, так и людей, ведь мастера не могут защитить себя металлом. Эта мысль вызывает у меня ужас.

В тот самый момент, когда мы проходим мимо, один из них – худощавый мужчина с копной светлых волос – кивает Джеймсу.

– Юный Мёрфи. Не останешься на *представление*? – усмехается он, перебрасывая плоский серебряный инструмент между пальцами.

Джеймс рядом со мной мгновенно напрягается, словно превращаясь в камень. Он не отвечает и лишь ускоряет шаг. В том, что этот скалер воспринимает происходящее как «представление», и заключается вся циничность драконьей индустрии. В чем я убеждаюсь еще больше, когда этот негодяй торжественно скидывает руки, заметив Хендрикса.

– Похоже, этого нам успокаивать не придется. Какой удачный день!

Желудок скручивает от подступившей тошноты.

– Не оборачивайся, – доносится шепот Джеймса.

Мой взгляд устремлен вперед, когда мы ступаем в стойла.

Свет меркнет, словно мы углубляемся в пещеру. Воздух пропитан ароматом прелого сена. Это напоминает мне о доме, но ровно до тех пор, пока мы не подходим к клеткам. Вырубленные в скале ниши напоминают наш амбар, вот только с решетками, как в тюрьме. Справа от меня мелькают брон-

зовые отблески ближайшего спринтера. Его так напугал шум или он постоянно живет в страхе? Из другой клетки доносится глухое, злобное рычание, и по моей спине пробегает холодок. Вчерашнее недоумение Джеймса обретает ясность: *«Потому что это драконы».*

Мы продолжаем продвигаться вперед, но когда клетки сменяются необитаемыми каменными загонами, я подаю голос:

– Джеймс, подожди.

Он сразу поворачивается, сохраняя привычное серьезное и непроницаемое выражение лица. Как ему удастся не проявлять эмоций? Особенно в этот критический момент. Джеймс находился неподалеку от Хендрикса. Если бы Бекс прорвалась через меня, он стал бы ее следующей жертвой. Мы оба едва избежали гибели, а он ведет себя так, будто ничего не произошло, – полная противоположность моим тревожным мыслям.

– Я хотела сказать спасибо.

Мой голос предательски дрожит.

– Не стоит.

Я замираю. Неужели Мёрфи настолько самовлюблен, что даже не понял, что вовсе не он держал Бекс под контролем?

– Что ж... ладно. В любом случае я ценю это.

После чего я уверенно двигаюсь вперед, будто знаю, куда идти. Лучше не углубляться в детали и не давать Джеймсу повод анализировать свои эмоции. Впервые в жизни я готова

признать его заслугу. И, честно говоря, сейчас даже рада его раздутости.

– Не стоит благодарить меня, ведь мы оба понимаем, что я ничего не сделал, – бросает он мне вслед.

Его слова накрывают меня, словно волна, погружая в пучину. Я чувствую холод, нехватку воздуха, ощущение того, что тону. Медленно оборачиваюсь и с тревогой ожидаю каждой секунды, чтобы снова встретиться с его взглядом и своей неуклюжей ложью.

– Что ты имеешь в виду? Ты меня спас.

– Фаррен.

– Да?

– Я этого не делал.

Молюсь про себя, чтобы моя хмурость казалась неподдельной, а приоткрытый рот выражал искреннее потрясение.

– Хочешь сказать, что мне следует поблагодарить Диттерса?

Джеймс нервно переступает с ноги на ногу.

– Сделай это, и у нас с тобой будут настоящие проблемы.

Мое замешательство вырывается смехом. Я и не подозревала, что Джеймс не любит его так же, как я.

– Тогда не буду. Похоже, это были усилия всех тренеров сразу. Мне просто повезло.

В три шага Джеймс оказывается передо мной, и я инстинктивно отступаю от его внезапного приближения. Его взгляд настойчиво ищет мой.

– Не понимаю. Почему это нужно скрывать? Ты серебряный мастер...

– Это не так.

Кажется, у меня получается произвести нужное впечатление непоколебимой уверенности.

Мёрфи подходит слишком близко. Как вчера, на лестнице, ведущей на чердак. Я снова ощущаю это неодолимое притяжение и обжигающий жар.

– Скажи мне, почему это секрет, и я никогда больше не упомяну об этом.

– Н-не могу. Потому что я... – Мой взгляд мечется по сторонам. – Не серебряный мастер.

Я пытаюсь произнести это твердо, но, черт возьми, мой голос звучит слишком неуверенно.

– Как убедительно, – язвит он.

– Но я говорю правду. Если ты мне не веришь, то это твои проблемы.

Джеймс кивает, и на мгновение мне кажется, что он готов отступить.

– Тогда, полагаю, я сообщу всем, что Бекс сдержала ты. Мы могли бы зарегистрировать тебя, пока находимся в городе. Думаю, прохождение теста не составит для тебя труда.

Сказав это, он отворачивается.

«Нет! Нет. Я не могу позволить Джеймсу Мёрфи все испортить».

Эта мысль заставляет меня действовать. Медный осколок

вырывается из-за моего пояса, мгновенно оплетая его незащищенное запястье. Джеймс пытается вырваться, и это заставляет его слегка пошатнуться.

Его лицо выражает удивление при виде металлической связки между нами. Но, сжав кулак, он с легкостью разрывает медь и повторяет мой жест. Холодный металл браслета обвивает мое запястье. Я тянусь, чтобы сорвать его, но застываю, пораженная цветом. Даже в полумраке он сияет чистым серебром.

Я снова обращаю внимание на Джеймса и замечаю, куда ведет другой конец металла. Он не в его руке, а обхватывает его запястье. Мёрфи... сковал нас вместе.

– Что ты творишь?

Он пожимает плечами:

– Ты это начала.

Хорошо хоть, что он не спешит выкладывать свои догадки остальным. Я явно не до конца продумала последствия.

– Отпусти меня.

– Расколдуй серебро сама.

– Я уже говорила тебе: это невозможно. Если ты считаешь, что не справился с Бекс в одиночку, значит, тебе помогли тренеры.

– Нет. – Он делает шаг вперед. – И знаешь, откуда мне это известно? Рохан – бронзовый мастер, а Талия – медный. Вот почему им было так трудно с ней. – Он бросает взгляд на браслет, а затем снова на меня. – Так что перестань лгать,

Уолш.

Я кусаю губу. Это плохо, очень плохо. Но я должна взять себя в руки. Мне нужно убедить его, что он не желает быть втянутым в эту тайну вместе со мной. Одним резким движением я сажусь, потянув Джеймса вниз.

Он поддается и опускается рядом со мной.

– Ну и какой у тебя план? Будем просто сидеть здесь?

– Уж лучше, чем *твой*. Ты всерьез полагаешь, что сможешь убедить своего отца, что я серебряных дел мастер?

Его темные глаза впиваются в мои, оценивая мою решимость.

– Ты не *просто* серебряных дел мастер...

У меня перехватывает дыхание.

– А лучший серебряных дел мастер, которого я когда-либо видел, – завершает он.

– У тебя нет доказательств, – с облегчением смеюсь я.

Когда его взгляд падает на руку, я вижу, что гипс, испещренный пожеланиями выздоровления, треснул посередине. Джеймс действительно старался защитить меня от Бекс. Его предупреждающий крик помог, но и сам он приложил немало усилий. И вот что я только сейчас поняла: он пытался сделать это, не причиняя ей вреда.

Джеймс разочарованно вздыхает:

– Уолш, тебе ведь известно, какую пользу это может принести твоей семье и заповеднику. С твоим мастерством ты могла бы выбрать любую карьеру. Академия «Ривир» с ра-

достью примет тебя. Перед тобой открыты все двери.

Он витает в облаках, в то время как я твердо стою на земле. На земле, где защита других важнее моих собственных амбиций.

– Почему это так важно для тебя? Еще одна семья серебряных мастеров – это конкуренция.

– Это гораздо больше, чем просто конкуренция.

В его глазах я замечаю нечто особенное, когда он смотрит на меня. Я ожидала увидеть замешательство, но вместо этого нахожу решимость и... тоску? Откуда взялось это чувство и как его суровые черты обрели эту новую форму, мне неизвестно. Но я впервые наблюдаю, как выражение лица Джеймса Мёрфи смягчается.

Когда он склоняется ко мне, мои губы невольно приоткрываются в немом изумлении. Эта близость воскрешает в памяти его утопление – тот момент, когда я дышала за него и наши губы соприкасались. На миг мне чудится, что он собирается повторить это. И я замираю, не в силах отстраниться.

Внезапно его глаза распахиваются.

– Мы опоздали. Закрой уши.

Земля дрожит от низкого, нарастающего гула. Я совсем забыла о Хендриксе и причине нашего бегства. Но теперь уже не могу игнорировать этот душераздирающий звук – смесь боли и агонии.

Джеймс срывает браслет с наших запястий, сминая металл, словно бумагу. Серебро с лязгом летит на пол, и он

резко притягивает меня к себе, прижимая одно ухо к своей груди, а другое закрывая рукой.

– Считай, – говорит он. – Просто думай о чем-то другом.

Я зажмуриваюсь, не заботясь о том, что это Джеймс Мёрфи и что я прижата к нему. Потому что крики Хендрикса становятся все более невыносимыми. Спустя мгновение до меня доходит, что он не закрыл свои уши и... все слышит. Поэтому я поднимаю руку и нащупываю его голову, стремясь тоже защитить его от ужаса, который сотрясает камни вокруг нас. Джеймс слегка вздрагивает, а затем наклоняется ко мне, позволяя помочь заглушить эту пытку.

Мы замираем в этом положении. Я считаю быстрые удары его сердца, и это кажется вечностью.

Глава 10. Когда у тебя появляются подозрения

ДЖЕЙМС

Мы сидим на полу драконьих стойл, сплетенные в клубок из конечностей. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди. Никогда раньше я не был так близок с кем-либо, и первым человеком стала именно Фаррен Уолш. Я обнимаю ее, пытаюсь не слышать звуки, которые сопровождают большинство, если не все мои кошмары.

Раньше никто, кроме меня самого, не закрывал мне уши. Более того, прежде у меня не было нужды сосредоточиваться ни на одном другом чувстве, кроме слуха. Вдыхать цветочный аромат? Невозможно. Ощущать теплое и утешающее прикосновение? Невообразимо. И уж точно мне не приходилось бесконечно считать, чтобы отвлечься от происходящего.

Кроме того, я до сих пор поглощен новым знанием.

В один момент я чувствую себя самым счастливым существом на свете: Фаррен – серебряный мастер! Более того, продвинутый серебряный мастер, способный управлять спринтером в воздухе. А это значит, что мне не придется исключать ее из своей жизни из-за общественного мнения или опасений за наше с Хортом будущее. Напротив, наши отношения более чем допустимы. Раньше союз между нами, представителями разных металлов, был под запретом, но теперь, если бы Фаррен открыто заявила о своем ремесле, это было бы даже ожидаемо. В наше время влиятельные серебряные семьи все еще практикуют браки по договоренности.

Но затем, всего через мгновение после того, как я узнал самую радостную новость в своей жизни, она лжет мне, пытаясь заставить усомниться в собственных чувствах. А я в ответ приковываю нас друг к другу, словно это может что-то изменить. Я просто... не могу ее понять. Все это совершенно не укладывается в голове.

Проходит двадцать минут, прежде чем Хендрикс замолкает. Я медленно высвобождаюсь из объятий Фаррен, и она следует моему примеру. После чего я отстраняюсь, давая воздуху снова наполнить пространство между нами.

Фаррен делает глубокий вдох.

– Это было даже хуже, чем я себе представляла.

– Всегда так, – отвечаю я едва слышно.

Она вздрагивает, уловив скрытый смысл этих слов. Поче-

му я знаю, где здесь самое тихое место? Потому что вся моя жизнь была посвящена его поиску. Внезапно, как вспышка, в сознании возникает недавнее прошлое: отец, решивший, что Хорту пора впервые сбросить чешую, и его маниакальная настойчивость в моем обучении у такого мастера своего дела, как Арт Уимбли.

Я отчаянно пытаюсь подавить эти гнетущие образы.

– Прости, мне стоило найти место получше, – бормочу я, опуская взгляд на колени.

– Или ты просто искал повод, чтобы обнять меня? – спрашивает она.

– Что? – Я смотрю на нее с недоумением.

– Ну, знаешь, некоторые люди очень странно флиртуют, – повторяет она мои же собственные слова, но ее дразнящий тон и улыбка мгновенно развеют любое напряжение.

Не буду скрывать, мне было невероятно приятно обнимать ее, отвлекаясь от гнетущих мыслей о последних мгновениях Хендрикса. Видимо, поэтому я неожиданно для себя отвечаю:

– Да, похоже, я действительно хотел тебя обнять.

– Что, прости?

Ее брови взлетают вверх. Она явно не ожидала такого поворота.

Я встаю и пожимаю плечами:

– Может, я и правда странно флиртую.

По выражению ее лица я понимаю, что у меня получилось:

я перевернул ход игры и лишил Фаррен Уолш дара речи. Теперь мне нужно срочно исчезнуть с лица земли, ведь я только что, по сути, признался ей в своей симпатии. Хуже того, она может догадаться о моих предыдущих неудачных попытках, что сделает ситуацию еще более неловкой.

Я держусь за свой треснувший гипс.

– Надо бы это исправить, пока я здесь. Передай отцу, что вам не нужно меня ждать. Я сам доберусь до заповедника вечером.

Она вскакивает:

– Постой...

Я разворачиваюсь и иду спиной вперед.

– Никто ничего не узнает, – перебиваю я. – Поэтому... Не за что.

– Мёрфи, пожалуйста. Я не...

– Я ведь спас тебе жизнь, верно? Не стоит благодарности. – На моих губах появляется улыбка. – Можешь даже называть меня спасителем, если хочешь. Чтобы это звучало правдоподобно.

Ее лицо искажается от этой мысли.

– Это полная противоположность правдоподобию.

Когда я не отвечаю, она восклицает:

– Я не стану этого делать!

Холодная плитка под ногами подчеркивает общую прохладу этого искусственного серебряного особняка. Несмотря на попытки мамы смягчить интерьер теплыми желтыми акцентами, в воздухе сохраняется неуловимое чувство пустоты, словно здесь не хватает чего-то важного. В памяти всплывают медные сковородки Уолшей, украшающие кухонные стены, обои с полевыми цветами и каждая потерянная подушка на стуле. Их дом дышит жизнью и наполнен воспоминаниями, а не просто выставлен напоказ.

Над камином красуется одно из самых знаменитых полотен в истории – сцена первого полета на драконе. Перед нами предстает огромный римбек, покрытый золотой чешуей. Это самый крупный из известных видов драконов, чья высота сравнима с ростом четырех взрослых мужчин. Его грудь выпячена, а тело усеяно острыми шипами. На его спине восседает закованный в доспехи рыцарь. Согласно преданиям, первый полет был совершен на железном спринтере, что символизировало медленный прогресс человечества в освоении различных металлов. Однако люди всегда тянутся к красивым историям, и этот золотой дракон служит не только эффектным украшением, но и значительно увеличивает художественную ценность картины.

Сегодня в машине доктор Уолш выразил надежду на то,

что римбеки не вымерли. Забавно, что они с моим отцом схожи в этом единственном отношении. Отец всегда был одержим этой идеей. Ему не давали покоя мысли о том, почему человечество так поздно постигло магию и как потеря золотой чешуи могла поставить под угрозу выживание драконьих детенышей, а значит, и всего их вида. Или, быть может, люди знали об этом и сознательно истребляли каждого встреченного дракона, охваченные страхом перед тем, что им неподвластно.

В детстве я был очарован энтузиазмом отца и его всепоглощающим пристрастием к драконам. Он часто сажал меня к себе на плечи, побуждая прикоснуться к шершавой, густой краске репродукции.

«Однажды мы найдем золотого дракона и сделаем его своим», – говорил он, подбрасывая меня. А я смеялся и радовался. Потому что «мы». Мы, вместе.

Но когда мне исполнилось двенадцать, отец отыскал оригинал картины. С этого момента золотой дракон стал для меня недостижим. Я до сих пор помню свой первый порыв протянуть к нему руку и то, как отец ударил меня. Тогда я задумался: чего же я, собственно, ожидал? Ведь любой истинный золотой дракон был бы прикован к столбу и лишен чешуи, подобно тому, как это случилось с Хендриксом...

Я отворачиваюсь с гримасой на лице.

«Мы»... Мы вместе мучаем этих существ.

Мама появляется из-за угла и замирает, увидев меня. В ее

глазах мелькает испуг.

– Джеймс, что ты здесь делаешь?

– У доктора Уолша был экстренный вызов. – Я собираюсь с мыслями, прежде чем продолжить: – Хендрикса пришлось усыпить. Его больше нет. – Я сам едва не погиб, но об этом, пожалуй, промолчу. – Мне пришлось немного прибегнуть к магии.

Я демонстрирую ей свой гипс, который уже наполовину сполз с руки.

– Сейчас же позвоню доктору Бёрку.

Меня не удивляет ее моментальная реакция и отсутствие вопросов. Однако я поражен, когда мама возвращается в гостиную, подтвердив, что доктор Бёрк появится через несколько минут. Будто он сидит на телефоне, как верный страж, ожидая именно ее звонка. Я почти готов спросить, какую сумму ей пришлось пообещать ему, чтобы он так оперативно отреагировал.

– Доктор Уолш заставил тебя присоединиться к нему? Мне придется поговорить с ним насчет вызовов, связанных с твоим отцом, и дать понять, что тебе не следует...

– Я сам этого захотел.

Даже умолял, если быть честным.

Страх снова искажает ее лицо.

– Зачем ты это сделал?

– Потому что я хочу учиться у него.

Растерянность сменяется тревогой. Мама считает, что у

нас одинаковые мотивы для моего внезапного отъезда из дома. И отчасти это так. Просто у меня есть еще одна скрытая цель. Такая крошечная и хрупкая, что зовется «моими мечтами». Мама предпочла бы, чтобы мы с ней переехали на север, в Хардсилл, и я больше никогда не связывался с драконами. Но я бы не вынес такой жизни.

– Это снова из-за «Ривира»? Тебе не стоит так нервничать насчет поступления. Да, им действительно нужны разносторонние кандидаты, но я говорила со скаутом. Выдающимся абитуриентам даже не нужно проходить тестирование по дрессировке драконов или медицинским знаниям. Одного твоего магического ремесла будет достаточно.

– Мне необходимо пройти тестирование по всем направлениям.

Мама скрещивает руки на груди:

– Я по-прежнему не вижу смысла в этом. Столько усилий, когда тебе, по сути, уже гарантировано место.

– Хочу иметь возможность выбирать из различных вариантов.

Эта привычная ложь звучит настолько правдоподобно, что начинает казаться разумной. На самом деле я могу получить место еще и через вступление в гоночную команду «Ривира». А вот единственная академическая стипендия принадлежит лишь наиболее разностороннему кандидату, который добивается успеха во всех четырех областях. И она мне понадобится, если я намерен отказаться от пути, который

выбрал для меня отец. Чтобы стать ветеринаром драконов, а не профессиональным всадником. Я хочу быть достаточно независимым, чтобы, когда он узнает о моих планах, не потерять все.

Мама смотрит на мою руку:

– Все еще болит?

– Нет.

Она облегченно вздыхает.

– Ты пьешь свое серебро?

– Очень на это надеюсь, – доносится голос доктора Бёрка.

Мы оборачиваемся и видим высокого, худощавого мужчину с черными волосами и самыми светлыми серыми глазами из тех, что я когда-либо видел. Я знаю доктора Бёрка всю свою жизнь. Бывали моменты, когда мне казалось, что я провожу больше времени с ним, чем с собственным отцом.

Тем не менее его визит начинается без лишних любезностей. Он научился не задавать вопросов, вероятно, благодаря дополнительным выплатам. А я, в свою очередь, мало что знаю о человеке, который видел меня в самые уязвимые моменты жизни. Несчастный случай во время магической тренировки в пять лет. Ужасный грипп в семь. Несколько сломанных пальцев в восемь. Сотрясение мозга в тринадцать, когда я начал летать верхом. Список можно продолжать бесконечно.

Доктор Бёрк вскрывает остатки моей гипсовой повязки и с недоуменным трепетом осматривает руку.

– Ты принимал только одну дозу серебра в день? Не больше?

Я хмурюсь. Мне даже этого не хотелось делать.

– Только одну.

– Никогда ничего подобного не видел, – снова смеется доктор Бёрк. – Ты заживаешь невероятно быстро. Аномально.

– И это хорошо, – лжет мама.

Я смотрю на нее и на то, как она прикусывает губу. Мы оба хотели бы, чтобы моя рука оставалась сломанной еще немного.

– Я обязательно расскажу об этом твоему отцу. – Еще одна ложь. На этот раз с подтекстом для меня. Мы не будем говорить ему. – Может, стоит наложить гипс заново? – предлагает она.

– Это принесет больше вреда, чем пользы. – Доктор Бёрк хлопает меня по плечу. – Ведь нам нужно, чтобы ты вовремя вышел на трассу для тренировок и начал сезон.

– О, замечательно.

Доктор Бёрк не реагирует на безразличный тон мамы и сосредоточивается на моей руке.

– Я был бы рад, если бы все мои пациенты заживали так же быстро. У тебя есть идеи, Джеймс, что ты сделал иначе? Пил серебряный настой перед гонкой? Ты знаешь, от какого дракона был получен металл?

Насчет дракона я ничего не знаю, а вот от какого челове-

ка – очень даже. Фаррен, должно быть, заставила меня проглотить серебро, после того как вытащила нас с Хортом из воды. Было странно, что моя рука начала чувствовать себя лучше всего за несколько дней. После того, что я увидел сегодня, и энтузиазма доктора Бёрка я могу с уверенностью сказать: Фаррен Уолш – лучший серебряный мастер, которого я знаю.

Теперь моя очередь лгать.

– Понятия не имею, – отвечаю я, вместо того чтобы признаться в правде, которую чувствую с двенадцати лет.

Именно тогда мне посчастливилось встретить девушку по имени Фаррен Уолш, а две недели назад повезло еще больше, когда она решила спасти мне жизнь.

Глава 11. Когда тебя ловят на лжи

ФАРРЕН

Время тянется бесконечно, пока я жду возвращения Джеймса. Скрип машины, которая его привезла, и щелчок двери – вот и все, что говорит о его появлении. Затем я слышу тихие голоса моих родителей, приветствующих его.

Я не раскрыла им всей правды. Лишь сказала, что остановила Бекс, но умолчала о том, что Джеймс что-то заподозрил. В глубине души я все еще надеюсь убедить его в том, что я не серебряный мастер. Ведь я так и не сняла тот серебряный браслет с запястья. У него нет никаких доказательств.

По крайней мере, так я себя успокаиваю.

Я поднимаюсь со стула, решив отправиться на чердак, чтобы сыграть на самолюбии Мёрфи и попытаться опровергнуть то, что он почувствовал сегодня. Я смогу. Это мой долг. Однако, сделав всего два шага к двери, я останавлива-

юсь, бросаюсь на кровать и в сотый раз прокручиваю в голове свой план. Ни один довод не кажется достаточно убедительным, а аргумент Джеймса, напротив, представляется слишком весомым. Какую же причину мне придумать, чтобы оправдаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.